

Санкт-Петербургский государственный университет

Чичиндаева Елизавета Сергеевна

**Ценностная природа цветонаименования
(семантический анализ прилагательного *green*)**

Выпускная квалификационная работа

направление подготовки 035700 «Лингвистика»
образовательная программа «Иностранные языки»
профиль «Английский язык»

Научный руководитель – проф., д.ф.н. И.В.Толочин

Рецензент – доц., к.ф.н. С.В. Кудря

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена анализу значения прилагательного *green* с целью обоснования первостепенной важности его ценностной природы.

Актуальность исследования связана с тем, что уже на протяжении многих лет большое число исследователей (в первую очередь, зарубежных) проявляют повышенный интерес к психологической природе значения в языке и использования слов, обозначающих цвета в частности. Причём для решения данной задачи привлекаются исследования по связи цветов и эмоций из различных научных сфер, что указывает на междисциплинарный характер проблемы. Это обусловлено тем, что невозможно дать ответ на этот вопрос, оставаясь в рамках лишь одной дисциплины.

В качестве **объекта** исследования в настоящей работе выступает английское прилагательное *green*, а **предметом** исследования является природа и характер его функционирования в различных текстах.

Цель работы заключается в том, чтобы установить семантическую природу функционирования *green* в английском языке, выявить оценочный потенциал рассматриваемого слова.

Достижение указанной цели подразумевает выполнение следующих **задач**:

1. Проанализировать различные подходы к изучению цветов и цветообозначений в различных смежных с лингвистикой науках.
2. Рассмотреть современные тенденции в области лексикологии и сопоставить их с положениями теории референции, для которой свойственно постулирование предметной природы материальной среды за пределами человеческого сознания.
3. Рассмотреть трактовки анализируемого слова в основных толковых словарях.

4. Проанализировать материал языковых корпусов и выявить особенности функционирования рассматриваемого слова в речи, сопоставив их с предлагаемыми в словарях трактовками.

5. Провести семантико-контекстологический анализ значения слова *green* и выявить структуру значения этого слова.

6. Осуществить обобщение на основе проанализированного материала.

Материалом исследования рассматриваемой в работе лексической единицы *green* являются толковые словари, а также контексты, отобранные из языковых корпусов (the Corpus of Contemporary American English) и различных Интернет-источников. Всего было проанализировано свыше 500 контекстов (71 из которых были отобраны в качестве иллюстраций как наиболее показательные).

Для достижения цели исследования и решения поставленных задач применяются следующие **методы**: метод анализа словарных дефиниций, метод семантико-контекстологического анализа лексем.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что в ней впервые предложен подробный комплексный анализ природы и особенностей функционирования в речи слова *green* в рамках современного подхода к определению значения слова, а также представлена оригинальная модель структуры значения данной лексической единицы.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней представлен метод анализа прилагательного, обозначающего цвет, способный выявить связь эмоционально-оценочного аспекта значения слова со структурой его полисемии.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов в курсах лексикологии и фразеологии английского языка.

Объем и структура работы. Настоящее исследование общим объемом 67 страницы печатного текста (из них 61 основного текста) состоит из введения, двух глав и заключения. К работе прилагается список использованной литературы, включающий 21 наименование на русском и 26 на иностранных языках, список использованных словарей и приложение.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Подходы к цветовосприятию в различных науках

1.1. Естественнонаучный подход к цветовосприятию

Цветов как таковых в природе не существует. Нам сложно это представить, но предметы не имеют цвета сами по себе, а «приобретают» его, когда на сетчатку глаза попадают световые лучи разной длины, отраженные от этого предмета. Таким образом, цвет существует только в нашем мозге (и, конечно, в мозге ряда других живых организмов), а не в окружающей нас так называемой объективной действительности. Причем, характер цветовосприятия и гамма цветовых ощущений различны у различных живых организмов. Мы воспринимаем спектр не как континуум (которым он с физической точки зрения и является, представляя собой постепенное изменение длины отражающихся волн), а как набор неких неравных (опять же с физической точки зрения) категорий. От чего зависит количество этих категорий и границы между ними мы более подробно рассмотрим ниже.

Проследив эволюцию *homo sapiens*, можно увидеть, что цветовосприятие – это один из наиболее древних навыков, обнаруживающихся у человека. Наряду со способностью опознавать и другие свойства предметов он сформировался с целью их идентификации в пространстве и выяснения их потенциальной опасности или полезности для осуществления жизнедеятельности.

Если вслед за некоторыми учеными считать, что мы унаследовали цветное зрение у низших позвоночных (рыб), то и эволюцию этого аспекта зрения стоит начинать изучать именно с них [Пэдхем, Сондерс 1978; Черноризов 1995]. Уже у этого класса имеются три типа колбочек¹, которые, конечно, отличаются от тех, что имеются у приматов и, следовательно, человека – прежде всего

¹ один из двух типов фоторецепторов, который отвечает за обработку световых волн различной длины, передающих красный, синий и зеленый цвета [Баарс, Гейдж 2010]

местонахождением и другой более чувствительной областью спектра – однако по диапазону остаются почти такими же и претерпевают незначительные изменения в сторону его расширения и развития структуры цветового анализатора. Это может послужить довольно веским доказательством значимости хроматического зрения для осуществления жизненно важных действий, если оно появляется уже на довольно ранних этапах эволюции. Кроме того, наш глаз построен так, что цветными мы видим только предметы, находящиеся непосредственно перед нами, а вот то, что находится на периферии, обрабатывается палочками² и поступает в мозг практически в ахроматическом виде. Так получается из-за того, что колбочки сконцентрированы в так называемой центральной ямке сетчатки глаза. Таким образом, можно сделать вывод, что цвета позволяют нам получить более детальную информацию о предмете, находящимся в фокусе внимания. Животные же, чьё зрение является ахроматическим (среди которых и много млекопитающих, достаточно близких нам) – это по большей части животные, вынужденные вести ночной образ жизни, при котором различение цветов перестаёт быть важным источником информации об окружающей среде.

После прохождения сетчатки глаза, информация об объекте попадает в мозг, а точнее в первичную зрительную кору, откуда сигналы расходятся дальше. Интересно, что, несмотря на то, что существуют области (V2, V4), которые особенно важны именно для обработки цветов [Zeki 1977; 1997; 1998], некоторые нейроны, импульсы которых поступают в них, ответственны и за распознавание других характеристик, в том числе и более сложных и комплексных [Land 1974; Pasupathy, Connor 2002]. Эта деталь, хоть и не кажется новаторской или в достаточной степени актуальной для нашего исследования, однако может натолкнуть на размышления о том, способны ли мы в принципе воспринимать элементы реальности и комплексы их многочисленных характеристик отдельно друг от друга.

² один из двух типов фоторецепторов, который чувствителен к световым волнам более низкого уровня, т.е. передает в мозг практически черно-белую картинку [Баарс, Гейдж, 2010]

Каким же образом наш мозг различает цвета? Неужели он отличает волны длиной в 500 и 501 нм, и именно на основании этой минимальной разницы мы осознаем четкую границу между *голубым* и *зеленым*? Если и отличает, то почему люди в некоторых местах нашей планеты для описания неба и травы используют один термин – в англоязычной научной литературе его принято называть *grue* (*green-or-blue*)? Ведь строение глаза одинаково у людей по всему миру. Можно подумать, что из-за климатически обусловленных изменений в ходе эволюции и, соответственно, приспособления структура их зрительных каналов отличается от той, что имеется у населения другой части планеты. К такому выводу пришли, например, Делвин Линдси и Анжела Браун. Они предположили, что в некоторых областях из-за повышенного уровня солнечного излучения происходит «пожелтение» окулярной линзы, вследствие чего на месте того, что мы видим *голубым*, обладатели такой измененной линзы видят цвет, который мы бы назвали *зеленым* [Lindsey, Brown 2002]. Таким образом, их гипотеза подразумевает, что термин *grue* – это то же самое, что и *зеленый*, который просто распространяется на *синий* диапазон из-за желтого цвета линзы, нарушающего цветовосприятие на физиологическом уровне. Это исследование вызвало много споров, в который включились представители совершенно разных наук: от офтальмологов до лингвистов. В качестве контраргумента в пример приводят таких носителей английского языка, которые от природы имеют «пожелтевшую» линзу, но пользуются словами *green* и *blue* с тем же успехом, что и представители их языковой группы, обладающие обычными глазами. Таким образом, «теория пожелтения\обурения линзы» Линдси и Браун не способна в полной мере объяснить отсутствие [в некоторых языках] различных лексических единиц для *green* и *blue* [Hardy et al. 2005]. И это только один из примеров, иллюстрирующих обозначенную выше проблему, которая касается варьирования слов-цветонаименований от языка к языку и невозможности их полного взаимозамещения.

Получается, с физической или физиологической точек зрения очень сложно, если вообще возможно, объяснить, почему представители разных культур имеют

разное количество слов-цветонаименований, а тем более, выяснить, существует ли разница, к примеру, между русским *синий* и английским *blue*. Кстати, изучив это различие в английском и русском языках (наличие одного термина *blue* и двух терминов *синий* и *голубой*), американский ученый Джонатан Вайноуэр пришёл к выводу о тесной связи между языком и физиологическим восприятием цвета. На экране испытуемым показывали три квадрата, покрашенные компьютером в один из 20 оттенков синего. Их задачей было как можно быстрее указать — соответствует ли верхний квадрат по оттенку одному из нижних квадратов, и, если да, то какому именно. При этом в одной части испытаний три квадрата имели аналогичный оттенок, в другой части — один из трёх квадратов отличался в большей или меньшей степени. Оказалось, русскоговорящие на 10% быстрее отличали «синий» от «голубого», в сравнении с англоговорящими испытуемыми. Причём разница в скорости была заметнее, когда разница между оттенками была минимальной [Winawer et al 2007].

Естественные науки могут довольно полно и детально объяснить нам «Как» мы видим цвета, но их не сильно интересует вопрос «Зачем»? Возможно, решить эту проблему нам помогут науки, больше обращающие внимание не на «объективную реальность», а на социум и человека в нем со всем широким спектром его переживаний и поведенческих особенностей. Ведь «именно общество «производит» цвет, дает ему определение и наделяет смыслом, вырабатывает для него коды и ценности» [Пастуро 2015: 9].

1.2. Цветовосприятие в антропологии и лингвистике

«Современный интерес к цвету почти целиком носит визуально-материальный характер и игнорирует смысловые и духовные переживания. Это поверхностная, внешняя игра с метафизическими силами... Цвет, действительно, должен переживаться не только зрительно, но психологически и символически» [Иттен, 2001].

Многие историки и антропологи считают, что первой функцией цвета, в которой её стали использовать наши предки, была именно символическая функция. И, если судить по наскальным рисункам, была тесно связана с ритуальными практиками [Пэдхем, Сондерс 1978; Рогинский 1982; Заан 1996]. Археологические и этнографические находки свидетельствуют о том, что цветовая символика и мистические верования были теснейшим образом переплетены друг с другом. Это может служить подтверждением тому, что цвет всегда воспринимался как нечто большее, чем просто характеристика того или иного элемента действительности. Он перенимал на себя важность и, скорее всего, определенные функции, особенно значимые для предмета и ситуации взаимодействия с этим предметом.

Для того чтобы понять, как цвета связаны с нашим сознанием и насколько наличие терминов для тех или иных цветов влияет (или не влияет) на восприятие окружающего нас мира, а так же выявить зависимость цветовой перцепции от языковой среды, к которой относится реципиент, было предпринято множество попыток проследить развитие данного пласта лексики на протяжении эволюции человеческого общества.

Здесь классической принято считать работу лингвистов-антропологов Брента Берлина и Пола Кея «Основные цвета: Их универсальность и видоизменения» [Berlin, Kay 1969]. В ней исследователи на примере различных языков – прежде всего языков малых народов, находящихся как бы на более низкой ступени развития цивилизации – предприняли попытку выявить цветовые универсалии и единые для всех языков механизмы добавления в него терминов цветоименований. То есть их целью было доказать, что цветоименования – это группа лексических единиц, универсальная для всех языков, и тем самым указывающая на наличие неких единых для всех конструкторов сознания, не имеющих национальную специфику. В результате они пришли к выводу о том, что существуют базовые цветовые категории и выявили ступени появления слов, обозначающих цвета. Так, первыми появляются лексические единицы, в которых

закреплен опыт взаимодействия с темным и светлым. Это первичное разделение, очевидно, произошло из-за разницы между временами суток и различным потенциалом дня и ночи для человека. Далее появляются слова для таких цветов как красный, затем – зеленый или жёлтый. После того, как в языке закрепляются лексические единицы, связанные с перечисленными пятью цветами, в язык входят термины для синего, а позже – для коричневого. Фиолетовый, серый, оранжевый, розовый и другие включаются в произвольном порядке в дальнейшем. По мнению авторов, эта эволюция имен цвета происходит под влиянием технического и культурного развития общества.

Несмотря на то, что полученные выше результаты были не только поддержаны современниками, но и подверглись жесткой критике со стороны ученых, работающих в различных научных областях, они привлекли повышенное внимание к вопросу цветоименований, задала общее направление и послужила толчком для огромного количества исследований в этой области.

О наличии универсальных цветовых категорий заявляли многие исследователи, работающие в других сферах науки. Среди них Рольф Куэни, подводящий нейрофизиологическую базу под существование таких основных цветов как синий, красный, зеленый и желтый [Kuheni 2005]; Сергей Йендриковский, объясняющий такое явление тем, что данные цвета наиболее часто обращают на себя внимание в нашем окружении [Yendrikhovskij 2001] и т.д.

Другой знаковой фигурой, разрабатывающей эту тему, стала Элеонора Рош. Она провела ряд экспериментов, направленных на установление типа ментальных репрезентаций категорий и выявление роли в них фокусных и нефокусных элементов. Рассматривала она этот вопрос на примере цветовых категорий. Э. Рош пришла к выводу, что, если участники эксперимента слышали имена цветовых категорий до того, как им были показаны физические стимулы, восприятие прототипических\лучших представителей категории облегчалось, а вот периферийных\худших – затруднялось. При этом, когда испытуемым был дан худший элемент категории, в его поле никогда не входил прототипический. В

итоге она отмечает, что изучение природы ментальных репрезентаций, имеющих место как реакция на наименование категории, не должно сводиться к анализу сенсорного восприятия; и база для образования многих категорий далеко не всегда исключительно физиологическая [Rosh 1975].

Продолжает рассуждения о прототипах Анна Вежбицка (при этом, не соглашаясь со многими выводами Рош). Исследователь пытается найти для фокусных цветов «естественные прототипы в окружающей среде». Она утверждает, что существуют универсальные для всех людей элементы опыта, которые являются первичными референтами для слов-цветообозначений. По её мнению мы бессознательно обращаемся к таким архетипическим понятиям как день, ночь, огонь, растительность, солнце, небо, земля. В доказательство своей точки зрения она приводит различные метафоры и фразеологические единицы, в которых эти ассоциации выражены эксплицитно. [Вежбицка 1997]

Все упомянутые выше ученые, нужно заметить, сильно «погрязли» в своих рассуждениях в денотативной теории, т.е. опирались на положение о соотношенности слова и объекта внеязыковой действительности, и строили свои эксперименты и выводы на основании него. Они, как видно, старались подобрать пары «слово-картинка». Приверженцем такого подхода был, например, и российский лингвист Ю.Д. Апресян, который считал, что некоторые слова (в основном имена нарицательные) легче и правильнее толковать с помощью картинок, а не прибегать к эксплицитному описанию с привлечением характеристик (что следует делать в случае предикативной, кванторной и абстрактной лексики) [Апресян 1974]. Несомненно, термины цветообозначения он отнес бы к первой группе и стал бы объяснять их, очевидно, указывая на закрашенные квадратики. И для этого, несомненно, были бы найдены те самые фокусные или прототипические оттенки, которые, якобы, большим количеством носителей языка ассоциируются с той или иной цветовой категорией. С таким положением спорит психолингвист Р.М. Фрумкина, считая его малоперспективным, исходя, по крайней мере, из того, что вряд ли носители при

полной свободе выбора будут выделять абсолютно одинаковые оттенки [Фрумкина 1984: 25-27]. Кроме того, она отрицает возможность описания имен цвета через параметры (компоненты) тона, насыщенности и яркости [Heller, Macris 1967] прежде всего из-за неясности того, что под собой подразумевают данные компоненты [Фрумкина 1984: 22-24]. Для неё важным являются отношения между именами цветов в системе, их связь друг с другом. Поэтому основной целью её работы было создание максимально точно классификации, выявляющей принципы связей слов анализируемой группы лексем. Однако и в основе её исследования, несмотря на позиционирование себя как психолингвиста, лежит скорее принцип отражения предметов материального мира с помощью слов, а не попытка нахождения психологических переживаний, связанных с этими предметами.

Тем самым большинство ученых обращались к проблемам классификации цветообозначающих единиц, выделения основных и дополнительных цветов, но практически не затрагивали вопросы того, какой опыт, связанный с тем или иным цветом фиксирует человек в соответствующих словах. Хотя именно этим можно объяснить, например, варьирование количества таких языковых знаков или участие их в различных, так называемых, фразеологических сочетаниях, где наиболее очевидно проявляется их эмоционально-оценочный потенциал.

1.3. Цветовосприятие в психологии

Возможно, в данном вопросе следует обратиться к психологии, которая, рассматривая физиологию (высшей нервной деятельности), обращается и к, если можно так выразиться, душевным переживаниям человека.

Давно выявлен, так называемый, эффект неадекватности перцептивного восприятия. Иными словами, «глаз видит одно, а мозг воспринимает совсем другое, и такое разночтение не является чем-то исключительным, это фундаментальное свойство процесса зрительного восприятия» [Железняков 2000:

35; Mitterer, de Ruiter 2008]. Понимая это, «...нас интересует не цвет-стимул, а цвет-перцепт, цвет, существующий в восприятии человека в виде предметного образа, который отличается от сенсорного рядом качеств...» [Корж и др. 1993: 137]. И именно этот воспринимаемый цвет и закрепляется в нашем сознании с помощью слов. «Сказать "Цвет существует" – все равно, что сказать "Цвет сообщает". Это значит, что за Цветом стоит <...> доступное человеческому чувству и осмыслению содержание, родственное нашему внутреннему миру. Это – итог экспериментов и их психологической интерпретации. Можно сказать и по-другому: <...> цвет обладает естественным значением. Это значение-смысл-сообщение адресовано целостному человеку помимо его воли и непосредственно, минуя умозрительные предпосылки и рассудочные модели. Цвет онтологичен психологически, но не только как субъективный феномен, а как часть доступного нашему чувственному восприятию сегмента реальности» [Яньшин 2001: 172].

Психологи говорят о том, что цвета способны воздействовать на человека, влиять на его настроение и даже потребности (этим активно пользуются маркетологи, в чьих исследованиях так же много внимания уделяется оценочно-эмоциональной наполненности цветовых сигналов). Это можно объяснить тем, что «на инициальной стадии возникновения образа человек осуществляет взаимодействие с миром на эмоциоподобном уровне. Если принять, что в начале жизни человека мир предстает его зрению первоначально (допредметно) в форме цветных плоскостей, то наиболее регулярно из всех ощущений эмоции связаны с цветом» [Яньшин 1996: 157]. Таким образом, цвет предстает перед нами не просто как характеристика элементов окружающей нас действительности, но, скорее, как характеристика наших отношений с этой действительностью. «Если значением *красного* цвета является «активность» как универсальное состояние, отражающее определенное отношение человека к реальности, то *красный* является символом всех возможных видов активного отношения к чему угодно (как *синий*—пассивного). Если значением *красного* является «стимуляция», как универсальная форма воздействия, он является символом одновременно всех агентов,

стимулирующим образом влияющих на человека (синий — успокаивающих)» [Там же: 181-182].

При этом, исследователи отмечают, что один и тот же цвет может порождать различные, иногда кажущиеся совершенно противоположными, ассоциации. Так, например, американский ученый Фабер Биррен пишет от том, что у его информаторов зеленый цвет в основном «ассоциируется с обилием и здоровьем <...> утимиривающим, освежающим, мирным», однако в ряду эмоций, связанных с ним, нередко появляются так же мертвенная бледность, болезнь, ужас, вина [Birren 1950]. Такая разница указывает на амбивалентность восприятия. При этом её можно достаточно легко объяснить появлением данного цвета в различных ситуациях, от которых, соответственно, и зависит актуализация тех или иных сторон его восприятия.

2. Словесное значение и полисемия

2.1. Традиционный подход к словесному значению и полисемии

Непонимание и огромное количество проблем, связанных с цветоименованиями обусловлено тем, что, они рассматриваются не как знаки, фиксирующие скорее эмоциональную сферу психологического опыта человека, а как характеристика зрительной перцепции нами окружающего мира. Это становится понятным, если придерживаться привычной методологии определения значения слова вообще. Согласно традиционным теориям, человек способен «отражать» природу «реальных» вещей. Этот взгляд сложился на основе философской предпосылки о том, что существует «объективная» материальная действительность, которую люди воспринимают, фиксируют в сознании и воспроизводят такой, какая она есть «на самом деле», с исконно присущими ей характеристиками, независимыми от сознания и языковой знаковой системы. Наиболее наглядно такой подход демонстрируется в формуле известного семантического треугольника, где тремя его вершинами являются денотат\референт, акустическая форма слова и понятие — представление о

предмете, находящееся у человека в сознании. Любопытно, что этот треугольник прочно обосновался в лингвистике во многом благодаря работе Огдена и Ричардса [Ogden, Richards 1949], хотя изначально в ней присутствовала идея контекстуальной обусловленности значения слов. При этом ученые всё равно стремились исключить субъективное отношение из сферы значения слова и исследовать язык исключительно в его «интеллектуальной» функции.

В референциальной теории принято выделять отдельно грамматическое и лексическое значение слова. Грамматическое значение представляет собой «указание на те или иные «общие разряды» слова» [Маслов 1987: 90], «обобщённое, отвлечённое языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее в языке своё регулярное (стандартное) выражение» [ЛЭС 1990: статья «Грамматическое значение»] и противопоставляется лексическому значению. Последнее, в свою очередь, является «содержанием слова, отображающим в сознании и закрепляющим в нём представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т. д.» [ЛЭС 1990: статья «Лексическое значение слова»].

В структуре лексического значения в рамках денотативной теории принято выделять основной или ядерный компонент, а также ряд дополнительных [Арнольд 1973; ЛЭС 1990; Уфимцева 1986]. Основной компонент лексического значения представляет собой «понятийное ядро значения, т. е. «объективный» (<...> «предметно-реляционный») компонент смысла» [ЛЭС 1990: статья «Денотат»]. Данный компонент представлен в виде иерархически организованной семной структуры, состоящей из главной\родовой семы, «свойственной всем единицам определённого класса и отражающей их общие категориальные свойства и признаки», и ряда видовых (дифференциальных) сем, «описывающих различия единиц семантического поля» [ЛЭС 1990: статья «Сема»].

В современной лингвистике, где преобладает когнитивный подход, отношение к значению уже намного более сложное, чем описано выше, т.е.

ученые больше не настаивают на том, что в слове «отражен» объект, как постоянная независимая от нас часть реального мира. Однако, и такая парадигма не может разрешить многие проблемы, придумывая новые термины, но оставаясь, возможно, неосознанно верной старым привычным понятиям.

Исключение эмоциональной составляющей из значения слова (свойственное ещё Огдену и Ричардсу, о чем мы писали выше) – до сих пор общее место для многих научных работ по лексикологии и семантике. Даже те исследователи, которые признают, что без субъективного элемента сложно представить план содержания, имеют тенденцию выносить эту его сторону за пределы основного значения. Эта составляющая кажется им менее важной и вторичной по сравнению с «объективной» информацией о реальности, содержащейся в лексической единице. Такой «дополнительный» элемент принято называть коннотацией – «эмоциональной, оценочной <...> окраской языковой единицы узуального <...> или окказионального характера» [ЛЭС 1990: статья «Коннотация»], «стилистической «добавкой» к основному значению» [Маслов 1987: 91].

Данный взгляд очень хорошо соотносится с полисемией в том её виде, в котором её понимают приверженцы денотативно-референциальной теории. Она предполагает, что слово обладает одним прямым номинативным значением, центром которого является денотат, а уже от этого главного варианта образуются остальные значения. Этот процесс проходит с помощью метафоры и метонимии (перенос по принципу схожести и смежности, соответственно). То есть эти языковые средства рассматриваются не как в принципе способ восприятия, а как метод умозрительного сравнения одного референта с другими. Причем сами лингвисты говорят о том, что при отсутствии единого семантического компонента, общего для всех лексико-семантических вариантов, каждый вариант имеет что-то общее, по крайней мере, с одним из других [Арнольд 1986: 51]. А это заявление противоречит главному положению референциально-денотативной теории о наличии у слова только одного основного ЛСВ.

В настоящий момент дать более точное и полное понимание слова лингвисты стараются с помощью, так называемых, концептов. При этом

некоторые утверждают, что концепты как элементы сознания автономны по отношению к языку, а люди часто владеют словами не на уровне их значений, а на уровне передаваемых ими смыслов, т.е. концептов. Язык всего лишь репрезентирует концепт, существующий в невербальном по природе мышлении. А наличие множества синонимов и текстовых описаний объясняется тем, что языковые средства в своих значениях передают только часть концепта [Болдырев 2001: 26-27]. В таком определении происходит странное разграничение значения слова и его смысла, где значение оказывается лишь частью некоего более абстрактного, полного и широкого смысла, существующего где-то в неструктурированной языком области сознания.

2.2. Современный (функциональный) подход к словесному значению и полисемии

При создании словарей лексикографы упорно проявляют приверженность денотативной теории и, стараясь дать наиболее полное представление о слове (несомненно, из лучших побуждений), выделяют огромное количество ЛСВ. Такой подход создает множество неразрешимых (в рамках данной традиции) проблем. Например, некоторые определения буквально повторяют друг друга; а некоторые совершенно очевидно представляют собой не значение слова, а элементы контекста, из которого это слово было взято. Эти проблемы, разумеется, уже давно замечены лексикографами. Например, исследователь Джон Айто задаётся вопросом: «Как они [лексикографы] решают, что <...> является значением слова, и где, в случае полисемии, заканчивается одно [значение] и начинается другое?» [Айто 1983] Однако мало кто пытается эти проблемы решить и предложить последовательную методологию, с помощью которой стало бы возможно избежать такой путаницы. По мнению Чарльза Филлмора и Берил Аткинс: “even for lexicographers there are no objective criteria for the analysis of a word into senses” [Fillmore, Atkins 2000: 101].

Из этого видно, что методология, разработанная в рамках референциально-денотативной теории, себя полностью изжила и находится в кризисе. Именно поэтому в среде лексикологов и лексикографов всё чаще звучит вопрос: существует ли значение слова вообще? Можем ли мы говорить о значении слова вне контекста?

Патрик Хэнкс – в прошлом составитель монолингвальных словарей – признается, что его коллеги часто сами придумывают примеры употребления слов. Например, печально известное *bank*, как утверждает статья к этому слову, многозначно, и для иллюстрации этого даётся предложение ‘I went to the bank’, где непонятно, куда пошло действующее лицо. При этом, по словам Хэнкса, если поискать это слово в корпусах, то, во-первых, такой фразы вы не найдете, а во-вторых, ни один контекст не даёт возможности актуализировать оба ЛСВ (*riverside* и *financial institution*) одновременно. Лингвист приходит к выводу о том, что более разумного говорить не о значении слова, а о потенциале (*potential meaning*), заключенном в семантических компонентах, комбинации из которых реализуются уже непосредственно при употреблении. В потенциале значения того или иного слова могут содержаться и несовместимые друг с другом компоненты и в контекстах они очень редко активируются одновременно [Hanks 2000: 205-215]. Для того чтобы точно выявить эти компоненты анализу следует подвергать большой объем материала [Hanks 2013: 23].

На необходимость рассматривать словесное значение именно таким образом указывает, например, Адам Килгаррифф. Рассуждая над вопросом о том, «достаем» ли мы значения слов из некоего «хранилища» или каждый раз заново изобретаем их в момент речи, он приходит к выводу о том, что мы, скорее, имеем запас типичных ситуаций, в которых данное слово чаще всего появляется [Kilgarriff 1999]. Он предлагает изучать не различные варианты значений одного и того же слова (*word senses*), а говорить о его употреблении в тех или иных контекстах, которые в свою очередь можно разделить на группы [Kilgarriff 2003]. Значение слова, таким образом, – это абстракция, в основе которой лежат общие черты употреблений слова в различных контекстах. При этом довольно сложной

задачей оказывается поделить все представленные в корпусах контексты на кластеры, т.к. зачастую встречаются такие ситуации, где слово употребляется в нестандартном для себя значении [Kilgarriff 2003]. И уж конечно, такого рода значения не выделяются словарями в отдельные ЛСВ [Kilgarriff 2003: 383] по причине того, что они либо рассматриваются как слишком редкие, либо просто оказываются упущенными из виду самими составителями. На нестандартные случаи употребления обращает внимание и уже упомянутый нами выше П. Хэнкс. Он считает, что в большинстве контекстов слова используются согласно регулярным моделям, однако иногда, попадая в нехарактерную модель ситуации, они эксплуатируют потенциал значения. На основе этого положения он создал «теорию норм и эксплуатаций» (Theory of Norms and Exploitations) [Hanks 2009].

Основной характеристикой человеческого поведения с точки зрения характера взаимодействия человека с внешней средой является ситуативность человеческого мышления. Ситуативность состоит в том, что любая потребность представлена в памяти человека как словесная модель, которая создает с помощью словесных знаков соответствие определенной потребности в виде хронотопа, в котором отдельные слова выполняют роль элементов соответствующей ситуации [Толочин 2010]. Таким образом, подходы, основанные на изучении языковых корпусов и рассматривающие контекст, как важнейший способ существования и функционирования слова кажутся наиболее адекватными.

Поэтому И. В. Толочин и Е. А. Лукьянова также предлагают рассматривать значение слова через контексты его употребления: «любой знак способен обладать значимостью лишь постольку, поскольку он соотнесен определенным образом с какими-либо другими знаками языка» [Толочин и др. 2014: 159].

Новейшие исследования, базирующиеся не исключительно на лингвистических теориях, но и привлекающие данные из психологии, антропологии и других наук, высказывают идею об особой роли языка как основы человеческой личности и способа моделирования реальности. Особенно важные выводы делает семиотика, позволяющая нам взглянуть на язык как на явление,

находящееся в ряду знаковых систем, обеспечивающих живым существам возможность поддерживать свое существование. Человек рассматривается как определенный вид живого организма, в основе деятельности которого лежит не стремление к созерцательному «отражению» мира в его сущностных характеристиках, а стремление к поддержанию своего существования и решению связанных с этим проблем [Толочин 2010].

Слово при этом рассматривается как знак, который как раз и обеспечивает человеку возможность моделировать свой опыт в рамках данной знаковой системы [Толочин и др. 2014: 45]. Здесь, пожалуй, первым, что приходит на ум будет теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа, которая гласит о том, что то, как мы видим мир и категоризируем его, напрямую зависит от нашего родного языка. И, несмотря на то, что в дальнейшем она вызвала горячие дискуссии [Regier, Kay, Kempton, Lindsey, Brown et al.], и некоторые её положения оказались довольно спорными, однако благодаря ей в лингвистику вошла и закрепились идея о важности языка в понимании мира вокруг нас.

Как же именно язык может влиять на восприятие окружающего мира? Человеческое сознание имеет возможность вносить внутреннюю дифференцию в знаковые коды собственных потребностей, разделяя опыт на сферу имени (объектов) и сферу глагола (изменений). Это приводит к появлению языкового анализа [Толочин и др. 2014: 46]. Способность создавать знаковые ситуативные модели в которых объекты совершают изменения или подвергаются изменениям в процессе взаимодействия обусловлена способностью человека реконструировать в памяти свойства, которые характеризуют его контакты со своим окружением и четко разделены на знаки-объекты, «представляющие стабильное пространство», и знаки-изменения, которые представляют «возможные преобразования в заданном пространстве для получения какого-либо результата». Эту способность предлагается называть категоризацией опыта, а свойства человеческого опыта, закрепленные в словесных знаках – категориями. Особенно важно понимать, что категории существуют только в знаковой системе языка и именно благодаря им языковые знаки обладают таким значением, которое

может представить любую человеческую потребность как грамматически структурированную модель, состоящую из слов [Там же: 46-47]. При этом по своей категориальной структуре знаки делятся на два типа. Семантическую основу любой модели опыта образу слова-объекты и слова-изменения – первый тип. А ко второму типу относятся слова, обеспечивающие семантическое усложнение за счет обозначения существенных свойств объектов или изменений и условия их осуществления [Там же: 68-69].

При таком подходе логично будет отказаться от разделения лексического и грамматического аспектов словесных знаков, а рассматривать целостное значение любого слова как взаимосвязь двух категорий – интегральной и родовой [Там же: 50]. В таком случае под интегральной категорией понимается объединенное в отдельном слове комплексное человеческое переживание, обусловленное конкретной потребностью человека [Там же: 51]. При этом интегральная категория является по сути своей метафорическим преобразованием окружающей среды [Там же: 98]. Здесь важно отметить, что метафора понимается не как механизм понимания более абстрактных сущностей через более «буквальные» [Lakoff, Johnson 1980], так как сенсорно-моторный опыт, хоть и бесспорно является первичным, но не может осуществляться отдельно от психологического. Это и позволяет определять интегральную категорию, как комплекс психо-физиологических переживаний. А под родовой категорией авторы подразумевают синтаксический аспект значения слова, обеспечивающий существование аналитического распределения характеристик опыта между знаками [Толочин и др. 2014: 68]; родовая категория, таким образом, определяет место слова по отношению к другим словам в гипотетической словесной ситуационной модели [Там же: 50]. Так, анализ родовых категорий в языке дает «представление о грамматическом строе данного языка и <...> возможность классифицировать слова как части речи (элементы, из которых языковое сознание формирует ситуации)», а анализ интегральных категорий показывает, «каким образом изучаемый язык систематизирует человеческую природу и позволяет

человеку управлять своими потребностями, одновременно обеспечивая их удовлетворение» [Там же: 50-51].

Если обратиться к проблеме полисемии, которая ставит исследователей в тупик, то её И.В. Толочин предлагает понимать как «категориальную вариативность значения слова» [Там же: 90]. При этом «сама природа интегральной категории остается неизменной, выступая в качестве условия, обеспечивающего саму возможность <...> использования слова для обозначения какого-то элемента ситуации, функционально смежного с одним из основных лексико-семантических вариантов» [Там же: 116]. А ЛСВ, в свою очередь, делятся на основные и производные. Однако в структуре значения слова выделяется несколько основных лексико-семантических вариантов [Там же: 83-112]. Это объясняется тем, что различные ЛСВ представляют собой «варианты одной и той же категориальной схемы <...>, дифференцированной по ряду признаков в зависимости от той сферы опыта, в которой данное слово реализует свою интегральную категорию» и, возникая в результате метафоризации той или иной человеческой потребности, находятся в отношении функциональной аналогии. Производные же ЛСВ образуются путем метонимического переноса, природа которого носит функциональный характер [Там же: 112-116].

В основе значения любого слова лежит метафора. Оно включает в себя психофизиологическое переживание (интегральную категорию), связанное с осуществлением той или иной потребности в рамках данной ситуации и синтаксический аспект (родовую категорию), который позволяет знакам вступать в различного рода отношения друг с другом. При этом принципиальным является, что слово не может существовать в языке как автономная сущность, а всегда должно рассматриваться как элемент контекста.

Выводы по главе I

В первой главе настоящего исследования были изучены вопросы, касающиеся цветовосприятия с точки зрения естественных наук (таких как эволюционная биология, нейрофизиология, офтальмология), лингвистики, культурологи, антропологии и психологии; а также рассмотрены различные традиционные подходы к словесному значению и полисемии и современный взгляд на эту проблему. На основе проанализированных концепций мы можем сделать следующие выводы, которые будут приняты в качестве основных теоретических положений для дальнейшего исследования:

1. С физической или физиологической точек зрения представляется невозможным объяснить, почему представители разных культур имеют разное количество слов-цветонаименований, и узнать, существует ли разница в восприятии разными народами цветонаименований, которые принято считать универсальными.

2. В лингвистике большинство ученых обращались к проблемам классификации цветообозначающих единиц, выделения основных и дополнительных цветов, но практически не затрагивали вопросы того, какой опыт, связанный с тем или иным цветом фиксирует человек в соответствующих словах.

3. С точки зрения психологии цвет предстает перед нами не просто как характеристика объектов окружающего нас мира, но, скорее, как характеристика наших отношений с этим миром. Кроме того процесс его восприятия неразрывно связан с языком. При этом очевидна амбивалентность цветовосприятия, которую можно достаточно легко объяснить появлением данного цвета в различных ситуациях.

4. Словесное значение существует исключительно в контексте. Значение любого слова метафорично по своей природе и представляет собой взаимосвязь интегральной и родовой категорий. Первая включает в себе единый комплекс человеческих психо-физиологических переживаний, связанных с удовлетворением тех или иных потребностей и объединённый в

слове, а вторая является синтаксическим аспектом значения слова. Полисемия понимается нами как категориальная вариативность словесного значения.

ГЛАВА II. Green – контексты и возможности для уточнения структуры значения слова

2.1. Анализ словарных дефиниций *green*.

Проблемы

В предыдущей главе мы пришли к выводу о том, что с опорой на денотативно-референциальную теорию крайне сложно в полной мере понять и выделить словесное значение. Соответственно, дефиниции, данные в словарях, которые, конечно же, составляются именно в рамках традиционной методологии, вызывают множество вопросов. Показательно, что на это указывают и сами лексикографы [Hanks 2000; Kilgarriff 2003], которые, разочаровавшись в данном подходе и почувствовав его кризис, стали сомневаться в возможности выделения значения слова в принципе.

В своей работе я проводила анализ словарных дефиниций из следующих монолингвальных словарей: Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE), Macmillan English Dictionary (MED), Oxford Dictionary Online (OD), The American Heritage Dictionary of the English Language Online (AHDEL), Merriam-Webster Online (MW), The Collins English Dictionary Online (CED). Все они дают определения, опираясь на денотативную теорию, поэтому, несмотря на некоторые различия, демонстрируют ряд одних и тех же серьезных методологических проблем.

Первое, на что стоит обратить внимание, – это разное количество ЛСВ *green*, представленных в рассматриваемых словарях. Казалось бы, если их составители претендуют на то, что бы отображать предметы и их свойства, существующие в реальном мире, не обусловленном нашим сознанием, то они должны давать одинаковые, универсальные определения. Однако в одних словарях мы видим (возьмем *green* как прилагательное) 7 ЛСВ, а в другом – целых 15. Объяснение этой проблемы будет дано ниже.

Конечно, первые дефиниции, которые считаются основными, наиболее показательными и полными, практически полностью совпадают. Все словари указывают на то, что данный цвет похож на «colour of grass (and leaves)». При этом большая часть из них (Oxford Dictionary Online, The American Heritage Dictionary of the English Language Online, Merriam-Webster Online, The Collins English Dictionary Online) – видимо, по принципу большей ориентированности на носителя, а не на изучающего язык – либо в статье на прилагательное *green*, либо на существительное (более частотный вариант, при котором, дав развернутое определение в статье именно на эту часть речи, ЛСВ1 прилагательного *green* становится просто «of the colour green») в качестве дефиниции приводят буквально выдержку из учебника по физике. Например, The American Heritage Dictionary of the English Language дает следующее достаточно громоздкое и мало понятное ЛСВ1(noun): The hue of that portion of the visible spectrum lying between yellow and blue, evoked in the human observer by radiant energy with wavelengths of approximately 490 to 570 nanometers; any of a group of colors that may vary in lightness and saturation and whose hue is that of the emerald or somewhat less yellow than that of growing grass; one of the additive or light primaries; one of the psychological primary hues.

Составители The Collins English Dictionary добавляют, что «green is the complementary colour of magenta», очевидно, чтобы быть ещё более точными и таким пояснением облегчить человеку, взявшему в руки словарь, задачу по выявлению в своем окружении предметов именно цвета *green*. Но неужели мы думаем именно о длине волны, когда видим слово *green*? Такая дефиниция среднестатистическому носителю кажется слишком научной и не дает полного понимания контекстов типа «he could see Deej's eyes, *green* like the devil's» или появления этого слова в, так называемых, идиоматических выражениях: «My friend looked *green around the gills* after the long bus ride». Мало того, что определения такого рода вряд ли являются понятными и информативными для большинства из нас, но и противоречат денотативной теории: получается, что слово не может однозначно указать на определенный объект внеязыковой

действительности, и это слово также не является автономным по отношению к другим (необходимо сравнение, например, с жёлтым и синим, изумрудом и травой). Таким образом, референт «растворяется в словесно-зафиксированном человеческом опыте».

Похожая ситуация складывается и в словарях Merriam-Webster и Oxford Dictionary, где лексикографы дают как бы упрощенный вариант описанного выше значения: a color whose hue is somewhat less yellow than that of growing fresh grass or of the emerald or is that of the part of the spectrum lying between blue and yellow; при этом в последнем – существительное *green* определяется через прилагательное, тем самым, обозначаясь составителями как вторичное.

Интересно, что составители словарей, созданных в основном для изучающих английский язык, то есть не для его носителей, которым, как считается, легче понять длинные определения с большим количеством умных слов, дают достаточно простые ЛСВ1(noun): «the colour of grass (and leaves)» (Longman Dictionary of English Language и Macmillan English Dictionary). Они делают акцент на ассоциации с чем-то природным, связанным с живыми растениями. Возможно, при всей своей незамысловатости, именно эти определения оказываются более адекватными по сравнению с более сложными и научно обусловленными, которые нам предоставляют другие англоязычные толковые словари.

Следующая проблема, встречающаяся во всех словарях – это проблема, так называемого, «порочного круга», когда одно слово определяется через другое, а то другое – через первое, и цепь (она, разумеется, может быть и несколько длиннее, но результат будет тот же) в итоге замыкается. Объясним на примере. Как уже отмечалось выше, элементом многих дефиниций является слово *hue*. Если мы поищем определение *hue* в том же словаре (возьмем The American Heritage Dictionary of the English Language), то найдем следующую статью: The property of colors by which they can be perceived as ranging from red through yellow, green, blue, and violet <...> Мы вновь видим *green*. То же самое получится, если мы проанализируем другое слово, часто встречающееся в определениях к *green*, –

emerald: 1. a brilliant green to grass-green transparent variety of beryl, used as a gemstone. 2. a strong yellowish green (The American Heritage Dictionary of the English Language). Опять же, мы возвращаемся к *green*. Таким образом, мы сразу же сталкиваемся с замыкающимся на себе кругом, что лишний раз подтверждает невозможность автономного существования слова в языковой системе. Кроме того, это является наглядным примером «исчезающего референта».

Выше уже упоминалось то, что имеет место расхождение в количестве выделяемых словарями ЛСВ (см. приложение). Это указывает на неоднозначность принципов их выделения. Казалось бы, какие здесь могут быть сложности, если работать в рамках денотативно-референциальной теории, основной постулат которой заключается в том, что слово соотносится с объектом во внешней действительности как таковой? Откуда тогда берется это множество различных значений? Сторонники этой теории утверждают, что ЛСВ1 является основным, тогда как все остальные оказываются производными по отношению к нему. Они образованы путем «подавления» некоторых семантических признаков исходного варианта и с помощью механизмов метафоры (перенос наименования по сходству) и метонимии (перенос наименования по смежности). При этом, если мы посмотрим на довольно схожие первичные ЛСВ существительного *green* в разных словарях, то заметим, что лексикографы никак не могут определиться, с чем именно сравнивать этот цвет: с травой, листьями (Longman) или изумрудами (Oxford, American Heritage, Merriam-Webster)? Кроме того, неясным остается принцип выстраивания иерархии вариантов значения. Например, многие анализируемые словари на второе место ставят ЛСВ прилагательного *green*, который в общем можно сформулировать как «covered with green growth and foliage». А вот в The Collins English Dictionary оно внезапно стоит под номером 7. Так же, некоторые словари в качестве подпункта включают в этот же ЛСВ ~«consisting of/made with green or leafy vegetables» (American Heritage 2b, Merriam-Webster 2c), Macmillan English Dictionary выносит его совершенно отдельно (7), Oxford Dictionary делает его подпунктом к ЛСВ1 (1.1), а вот Longman Dictionary of Contemporary English и The Collins English Dictionary не упоминают его вовсе.

Совсем уж неразбериха происходит с определением важности ЛСВ, относящихся к сфере экологии. Например, кто-то, считает значение ~«concerned with or supporting environmentalism\less harmful to the environment» принципиально важным и актуальным, поэтому ставит его на 3 место (Macmillan **3**, **3a**, **3b**, **3c**, Collins **3**), кто-то отодвигает его подальше от главного (Longman **6**, **7**, American Heritage **5a**, **5b**, Merriam-Webster **10a**, **10b**, **10c**), а Oxford Dictionary почему-то относит его к ЛСВ2 («covered with grass or other vegetation») – **2.1**, **2.2**. То же самое происходит и со значениями, относящимися к понятию незрелости\неопытности. Отдельно стоит отметить, что некоторые ЛСВ, выделяемые одними словарями, почему-то остаются незамеченными другими. Так «vigorous, youthful, robust» (Oxford **3.2**, AmericanHeritage **3c**, Merriam-Webster **4**, Collins **4**) не выделяются в отдельные ЛСВ в Longman Dictionary of Contemporary English и в Macmillan English Dictionary; значение «envious or jealous» игнорируется в Oxford Dictionary совершенно, а в Longman Dictionary of Contemporary English и Macmillan English Dictionary не упоминается в основной статье и выносится в сферу фразеологизмов.

Чем же можно объяснить такие расхождения и неструктурированность при выделении ЛСВ различными словарями? Скорее всего, так происходит из-за того, что лексикографы по-разному членят материальный мир и имеют тенденцию включать смысл, создаваемый контекстом, в значение определяемого слова. Это видно, например, в ЛСВ12 из The Collins English Dictionary, «(of meat) not smoked or cured; unprocessed» где в дефиниции прилагательному *green* приписывается свойство характерное исключительно для бекона (пример в словаре *green bacon*); то есть она обуславливается окружением слова, но никак не его собственной семантикой. При этом, попробовав применить этот ЛСВ к *meat* (если следовать словарю, вполне возможное употребление, где *green meat* по аналогии будет значить *unprocessed meat*), мы можем оказаться непонятыми. Corpus of Contemporary American English дает 5 контекстов с таким сочетанием:

- 1) <...> or organic products – so called '*green meat*'.

- 2) <...>Daikons '*Green Meat*'. Daikon type with white flesh tinted light green.
- 3) The horse, however, is always soft, when fed much on *green meat*.
- 4) Maggots, *green meat*, rotten bone.
- 5) Maybe string beans. Or is it just *green meat* like the army has?

Ни в одном из этих примеров, не актуализируется значение, предложенное словарем. В первом случае мы должны, скорее, обратиться к ЛСВЗ, связанному с благоприятным влиянием на окружающую среду, во втором и третьем речь идет о мякоти растений (скорее всего сочной и питательной), а в четвертом и пятом – об испортившемся мясе (да, здесь оно было, очевидно, сырым и необработанным). Даже если мы возьмем, уже данные словарем ЛСВ, мы, скорее всего, сможем понять смысл этих контекстов, и для этого совсем не требуется выделять какие-либо добавочные и поясняющие значения.

В предыдущей главе мы ввели такой термин «интегральная категория», который понимается как комплексное переживание, обусловленное потребностями человека в определенной модели опыта взаимодействия с окружающей средой. При этом в реальности языка слова принадлежат, как правило, не одной, а целому ряду моделей опыта, в которых, оставаясь самим собой, приобретают определенные специфические черты, отражающие природу конкретной сферы опыта. Данное свойство слов называется полисемией [Толочин: 82-83].

Отметив выше большое количество неточностей и проблем, с которыми сталкиваются составители словарей, попробуем выявить в предложенных ими дефинициях значение, объединяющее все выделяемые лексикографами ЛСВ, и обнаружить закономерности, позволяющие одному и тому же слову функционировать в различных моделях опыта. Для этого обратимся к статье на прилагательное *green* из Merriam-Webster Online.

1: of the color green (см. статью на *green* (noun))

- 2a** : covered by green growth or foliage *green fields*
- b** (*of winter*) : MILD, CLEMENT
- c** : consisting of green plants and usually edible herbage *a green salad*
- 3**: pleasantly alluring
- 4**: YOUTHFUL, VIGOROUS
- 5**: not ripened or matured *green apples*
- 6**: FRESH, NEW
- 7a** : marked by a pale, sickly, or nauseated appearance
- b** : ENVIIOUS 1 —used especially in the phrase *green with envy*
- 8a** : not fully processed or treated: such as (1) : not aged *green liquor* (2) : not dressed or tanned *green hides* (3) : freshly sawed *green lumber*
- b** : not in condition for a particular use
- 9a** : deficient in training, knowledge, or experience *green recruits*
- b** : deficient in sophistication and savoir faire : NAIVE *was green and credulous*
- c** : not fully qualified for or experienced in a particular function
- 10a** (*often capitalized*): relating to or being an environmentalist political movement
- b** : concerned with or supporting environmentalism *green consumers who practice recycling*
- c** : tending to preserve environmental quality (as by being recyclable, biodegradable, or nonpolluting) *greener energy solutions*

Уточнив для начала, что ЛСВ1 здесь ссылается на дефиницию существительного *green*, вспомним, что в том случае ЛСВ1 было связано с определенной длиной луча (что, как мы убедились, слишком научное определение) и схожестью с травой или изумрудом. Возвращаясь к рассматриваемой статье, мы видим, что ЛСВ1, таким образом, можно легко связать с ЛСВ2, который просто более подробно разъясняет в каком виде природная зелень может быть представлена: растительность, покрывающая землю (**2a**, **2c**) и пища, состоящая из овощей, чаще всего зеленого цвета, и листьев (**2c**). Такая природная свежесть может вызывать только приятные ощущения, описанные в отдельном ЛСВ3 – такое осмысление может стать примером метонимического переноса. Очевидно, с растениями связано и ЛСВ10, относящее

нас к сфере охраны природы. Различные подпункты опять же служат уточнениями о степени возможного положительного влияния на природу путем своих действий.

Если говорить о растениях, то обычно имеются в виду молодая зелень и овощи – либо совсем свежие (6), либо ещё даже не до конца созревшие (5). Понятно, что именно с этими свойствами связаны ЛСВ 4, 8 и 9. Не обработанные и тем самым не готовые к употреблению и использованию еда и вещи можно сопоставить с недозревшими фруктами. Дальнейший перенос этого свойства на человека некоторые могут считать своего рода метафорой. Таким образом, по аналогии мы получаем вариант молодого человека, который, хотя и полон энергии за счет своего возраста, по причине своей юности наивен и не имеет достаточно опыта или навыков для выполнения какой-либо работы.

Хотя нельзя сказать, что все выделяемые ЛСВ являются только частными случаями какого-то одного из них, более абстрактного, мы отчетливо видим, что все они так или иначе связаны друг с другом. Если подытожить всё вышеперечисленное, в структуре значения различных отмеченных словарем вариантов слова *green* мы можем восстановить стабильный каркас, который связан с жизненной природной силой. Этот постоянный комплекс ощущений является актуальным для всех перечисленных ситуаций и претерпевает некоторые изменения, оказываясь конкретизированным рядом признаков, характерных для того или иного контекста. При этом устойчивость такого каркаса (пока примерного) при изменчивости родовой категории, позволяющей знаку входить в словесные ситуации определенного типа, обеспечивается механизмом функциональной аналогии.

Из этой структуры выбивается лишь ЛСВ7, описывающий такую характеристику предмета как «envious» и «having sickly appearance». Он не просто не ассоциируется с жизненной силой, но скорее актуализирует абсолютно противоположное переживание. Здесь сталкиваемся с амбивалентностью, присущей анализируемому языковому знаку. Однако это не должно стать для нас сюрпризом, так как это лишь подтверждает наблюдения психологов, описанные в предыдущей главе. Сразу отметим, что подобного рода контексты, где *green*

предстаёт перед нами как отрицательная характеристика, относительно редки и достаточно однотипны. Более подробно этот вопрос мы обсудим ниже.

2.2. Анализ контекстов со словом *green*

Общее значение, выведенное нами из словарных дефиниций, конечно, является приблизительным и требует дальнейшей подробной разработки. Для этого мы обратимся к контекстам как к зафиксированным в словесных знаках моделям человеческого опыта. Это поможет нам выявить полную структуру значения слова *green*.

2.2.1. Контексты типа *like green, (as) green as, green like*

Чтобы понять, с чем у носителей ассоциируется языковой знак *green*, стоит проанализировать контексты, со следующими сравнительными конструкциями: *like green, (as) green as, green like*.

Обратимся к ряду примеров из Американского Корпуса Современного Английского Языка (American Corpus of Contemporary English):

- 1) And her eyes were green, green like the earliest leaves on a forsythia in spring.
- 2) When I touch them they feel like green leaves, soft and dry and bendy, not knowing autumn's coming.
- 3) <...> her beauty could not be disguised. Her eyes were the deepest shade of green, like the forest that protected her.
- 4) There was a blinding green flash of light in his eyes. Green as the island in his dream.
- 5) <...> her skin is smooth and healthy. Her eyes are a bright green, like sunlight shining through emeralds.
- 6) <...> beautiful, all of grace and Light. She gazed at me with great green eyes like emerald coins and I gazed back.
- 7) I died the way I was born<...>

The water today is a beautiful gray-dark green like malachite morning ripple by

wave, like the sound of sugar in the Witch's throat.

I did not hate her.

8) I felt the blood filter out of my skin. The blood was green like the dead part of the mountain we had just visited <...>

9) He watched the part lean back until he could see Deej's eyes, green like the devil's, over the divider as she looked at him.

10) Over the hair she wore a battered attitude hat tinted green like some ghastly Irish shrub <...>

11) The air smelled sour and green, like a dressed salad. "I'm sorry," she sputtered breathlessly.

12) <...> something cold and tight forms and then rises, seeping up through her like green mould.

Приведенные выше примеры можно довольно чётко разбить на две группы. В первой – ситуация, в которой оказывается слово *green*, носит положительный характер (1-6), а во второй – негативный (7-12). Это указывает на амбивалентность ощущений связанных с цветом, и, если один контекст обуславливает позитивное восприятие этой характеристики реципиентом сигнала, то другой актуализирует отрицательные эмоции. В первой группе предметы, которым мы приписываем обладание свойством *green* описаны как «soft and dry and bendy, not knowing autumn's coming», а сам *green* сравнивается с весенними листьями (spring leaves), лесом, который служит, видимо, самым безопасным местом, защитой в условиях враждебного окружения (forest that protected her) и уже встречавшимся нам изумрудом (emerald). Последнее, как оказалось, наравне с разными видами растительности действительно регулярно встречается рядом с *green*, чем и объясняется попытка лексикографов описать с помощью него значение анализируемого нами слова. Помимо всего прочего в близком контексте часто оказываются слова типа light, health, young, beauty, которые так же являются ключами для понимания структуры значения *green*.

Все упомянутые выше явления вызывают у нас исключительно приятные ассоциации. Чего не скажешь о второй группе, где *green* то и дело сравнивается с

чем-то злым и мистическим (witch, devil), мертвым (dead part) и неприятным (ghastly Irish shrub), а плесень (mould), характеристикой которой является *green* напоминает о чем-то сковывающем (tight) и холодном (cold), неконтролируемо просачивающимся (seeping up) в окружающую человека среду . В общем контексте, кроме того, встречаются слова типа hate, die, blood filtered out, battered, sour и т.д.

При этом 3 и 6 контексты являются интересными примерами, в которых, хоть на первый взгляд и преобладают позитивные и негативные переживания, соответственно, можно увидеть следы той самой амбивалентности. В предложении об идеальном острове, несмотря на то, что он видится автору островом мечты (island in his dream), таит в себе и подавляющую природную силу (blinding). А в 6 контексте наряду с witch's throat, died и hate присутствуют слова типа beautiful, malachite morning. Сам текст описывает именно амбивалентное переживание автора, что видно из его названия – *A gorgeous rainy day...* –, а затем и того, как двойственно он воспринимает ситуацию, в которой он оказался: “Why not make something ugly or beautiful”.

Это подтверждает тот факт, что восприятие того или иного цвета напрямую определяется ситуативным контекстом. Оно может быть как положительным, так и отрицательным, и несет в себе сильнейшее эмоциональное переживание, являясь чем-то намного большим, чем простое указание на оттенок, попадающий на сетчатку глаза. При этом в основании лежит единое переживание, которое имеет потенциал осмысления как в модели позитивного, так и в модели негативного опыта.

2.2.2. Контексты типа *green of*

Перейдем к существительному *green* и посмотрим, будет ли как-то отличаться его значение от того, что мы уже наметили ранее или измениться только способ его сочетаемости с другими элементами предложения.

Проанализируем контексты со словосочетанием *green of*, где предлог *of* определяет частеречную принадлежность стоящего в ближнем левом контексте слова:

- 1) If only she could somehow capture the rare pale green of that tree up ahead. Such a bright, almost yellow-tinted green.
- 2) They bring contrast to the brilliant green of the grasses' new blades and complement the bright colors of the perennial flowers.
- 3) The vegetation showed the bright green of youth. Early summer, then, and the sun indicated near midday.
- 4) <...> to the enchanted green of a loved-one's eyes, color is a manifestation of this dialogue <...>
- 5) <...> ripening into a deep violet and green of decaying flesh.
- 6) She wore the dulled blood green of mourning. The color did not suit her. <...> Draping a heavy ceremonial cloak woven in shades of muted crimsons over the dulled green of his mourning clothes, Karatek entered the larger cabin where his family spent much of their time.

В данных примерах употребления существительного *green* мы наблюдаем ту же картину, что и с прилагательными. Мы вновь можем разделить контексты на две группы: положительные (1-4) и отрицательные (5-6). В первой *green* относится к растениям, явно не наблюдающим признаки увядания, (*tree, blades of grass*), и ассоциируется с молодостью (*youth*) и оказывается цветом глаз любимого человека (*loved-one's eyes*). В этих предложениях так же встречаются такие слова, как *bright, perennial, new, enchanted* т.д., которые явно несут в себе информацию о благоприятных для человека условиях. А вот во второй группе зеленый цвет является принадлежностью гниющего мяса (*decaying flesh*) и траурного облачения (*mourning dress*).

Мы видим, что значение слова остается неизменным, при этом меняется только его положение в структуре ситуации, что приводит лишь к смене родовой

категории, то есть переходу из одной части речи в другую. И это не приводит к добавлению дополнительных или утере существующих семантических вариантов, то есть происходит смена родовой категории, то есть изменение частеречного статуса знака, при сохранении интегральной категории слова. Такое поведение слова объясняется функциональной аналогией единиц значимости, реализующихся в различных сферах опыта. Между различными словесными знаками (в данном случае существительным и прилагательным) существует категориальная связь, обладающая метонимической природой – это явление мы будем называть мотивированной омонимией [Толочин 2014: 128]. Кроме того, необходимо отметить, что синтаксическая позиция знака в предложении определяется не просто грамматическими правилами, но и тем, какой элемент ситуации говорящий ставит на место особой значимости, тем самым обращая именно на него особое внимание.

Для дальнейшего выявления элементов структуры значения знака *green* следует проследить, каким образом уточняется оттенок *green*. Это будут своеобразные маркеры, позволяющие нам понять, какие устойчивые психологические ассоциации он может вызывать в тех или иных контекстах. Очень часто можно встретить словосочетания *bright green* (adj4, n1,n3), *brilliant* (n2), *glowing*, в противовес которым можно с легкостью найти *dull(ed) green* (n6). Соответственно, насыщенность и интенсивность переживания оказывается важной для ситуации. Другими частотными маркерами будут *vivid*, *lively* и, наоборот, *dead*:

- 1) She flung her head up and glared at him with vivid green eyes.
Lucky, expecting tears, admiration <...>
- 2) <...>rich nectarine in color before turning apricot and eventually a shiny, lively green.
- 3) Half the leaves were dead; the others, at the top, were a dead green. It was as if all the trees had, at the same moment, been blighted in luxuriance, and death was spreading at the same pace from the roots.

То есть реализуется либо контекст наполненности жизненной силой и энергией, либо их полнейшего отсутствия.

2.3. Структура значения слова *green*

Из всего, сказанного выше, можно выделить две основные группы контекстов, где знак *green* характеризует определенное базовое цветоощущение, связанное с различными сферами опыта. При этом первая группа фиксирует положительную для человека ситуацию и связана с активной естественно-природной силой, наполненной жизнью и несущей в себе потенциал для спокойного и безопасного существования в её рамках. Вторая группа описывает негативный опыт, элементом которого является *green*. В таком случае он ассоциируется с полным отсутствием той самой живительной силы, упомянутой ранее, и является признаком загнивания, смерти, и зловещего парализующего начала.

Мы предположим, что разница между положительным и отрицательным восприятием ситуации заключается в степени контроля над ней и возможностью вступить в безопасный контакт с окружением и/или конкретным его элементом. В первом случае мы сталкиваемся с высокой степенью контроля, а контакт возможен и в перспективе может принести благотворные плоды. А вот во втором случае выражается ощущение потерянного контроля и бессилия вернуть утраченную жизненную энергию и, соответственно, контакт нежелателен в силу негативных последствий.

Делая вывод из вышесказанного, можно сформулировать дефиниции *green* для обеих групп контекстов, а также выделить интегральную категорию рассматриваемого слова. Дефиницию, выведенную из первой группы контекстов (живой, динамический=*the bright green*) можно сформулировать следующим образом: a visual stimulus evoking the sense of bright life-giving energy as it manifests itself in young and actively growing plants, so that suggesting vividness, freshness, protection and a sense of control over the environment, which are determined by a stable and predictable human reaction to the flourishing nature around. К этой группе

могут быть отнесены два значения слова *green* (как прилагательного и как существительного), то есть два мотивированных омонима: adj. - having the inviting colour of flourishing nature suggesting vividness, freshness, protection and a sense of control over the environment; n. - the inviting colour of flourishing nature suggesting vividness, freshness, protection and a sense of control over the environment. В данной группе контекстов, как уже уточнялось ранее, *green*-прилагательное и *green*-существительное отличаются друг от друга только родовыми категориями, то есть частеречной принадлежностью. Поэтому их дефиниции, включая в себя одно и то же психо-физиологическое переживание, отличаются только синтаксической функцией главного слова-определителя, что указывает на частеречную принадлежность определяемого слова.

Дефиницию для второй группы контекстов (мертвенный=*the dull, deadening green*) можно сформулировать следующим образом: a visual stimulus evoking the sense of powerlessness when confronted with decay and cold lifelessness, and suggesting absence of any motion and power, dead calmness and lack of control over the environment, which are determined by a human reaction to decay. В контексты, относящиеся к данной группе, вписываются два мотивированных омонима (*green*-прилагательное и *green*-существительное): adj. - having the colour of rotting matters, disgusting substances, suggesting the absence of life, motion and energy and lack of control over the environment; n. - the colour of rotting matter, disgusting substances, suggesting absence of life, motion and energy and lack of control over the environment.

Исходя из заключений, сделанных выше, мы можем предпринять попытку выявить и сформулировать интегральную категорию для слова *green*, которая в очередной раз подтвердит выводы об амбивалентности цветовосприятия, полученные в результате экспериментов сфере психологических наук. В итоге единая интегральная категория может быть сформулирована следующим образом:

Visual stimulus evoking contact with a great power of natural environment that can be life-giving and rejuvenating when beneficial as in young growth or causing decay and stifling lifelessness when hostile and destructive.

Для того чтобы подтвердить и проиллюстрировать выведенную интегральную категорию, приведем примеры, где полностью реализуется амбивалентная природа цветоощущения, в нашем случае – *green*.

Подобные контексты встречаются при описании чего-то прекрасного, но одновременно с этим непонятного и опасного, как в следующем примере:

- 1) When she made her way across the restaurant to where Alex sat, he almost forgot to breath <...> It deepened the green of her eyes, caught at the gold in her hair, which caught at the air in his throat. He rose from his chair and gave her the bow she deserved. She lifted her gaze and he felt the brush of her thoughts against his. Just fishing. <...> Her mouth twitched into a smile. <...> Predation and sensuality, both at their best.

Здесь мы наблюдаем встречу с прекрасной девушкой, чья красота восхищает (the bow she deserved), но одновременно и пугает, так как чувствуется скрытая за ней опасность (against, just fishing, predation).

Чаще всего, однако, такие случаи обнаруживаются в текстах, описывающих мифологические, мистические ситуации:

- 2) Who [the mysterious green stranger] presently leapt high into the air, and there metamorphosed...
<...> he grew to about 20 times his size <...> a creature with a serpentine tail with a spear-like prong at the tip, a head like that of carnivorous dinosaurs full of carnosaur like-fangs <...> covered all over in scales, metallic and the colour of emerald. These gleamed blindingly in the sunlight. <...> Neither man had any control over what his “mount” would do.

Это отрывок из романа-фэнтези, где незнакомец с кожей зеленого цвета в самый тяжелый для героя момент битвы внезапно превращается в дракона, который спасает его и вступает в битву с черным драконом противника, в итоге побеждая его. Мы видим, что его действия оказываются благотворными для

персонажа, но при этом в его описании важны неконтролируемость и ужасающий для человека внешний вид.

В следующем контексте даётся описание персонажа из английского фольклора, первые упоминания о котором относятся к временам язычников, но который позже был адаптирован к христианскому вероучению, что позволило ему остаться в культуре и по сей день.

- 3) The abundance of foliage growing out of his [the mysterious green man] mouth, nose, and ears cause many to associate him with growth and nature, perhaps a symbol of the cycle of growth being reborn each spring. Other superstitions see him as a malevolent forest spirit, not quite human, capable of doing good, impish mischief, or even foul harm, depending on his mood. He was greatly feared for his capricious unpredictability.

Даже в этом коротком отрывке мы отчетливо видим его неразрывную связь с природой и крайнюю неоднозначность его восприятия представителями данной культуры. Он, с одной стороны, является носителем живительного начала, а с другой, несет в себе угрозу.

Стоит вообще отметить, что очень много существ из народных сказаний, связанных с природой, характеризуются с помощью цветонаименования *green*. Эти духи природы всегда непредсказуемы и до конца неясно, действуют ли они во благо человека, встретившего их, или готовы погубить его в любой момент. Такие создания появляются в фольклоре не только английского народа, но и в преданиях большого ряда других стран. Это может служить подтверждением наличия древнего архетипа, закрепившегося в языке с помощью знака *green* и уже в этом виде претерпевающего некоторые изменения. Этот термин впервые появился в работах швейцарского психоаналитика К. Г. Юнга и под ним понимаются некие образы, являющиеся элементами коллективного бессознательного и заключающие в себе сгустки сильнейших эмоций и психологических состояний [Jung 1988], главной чертой которых оказывалась их крайняя противоречивость (с точки зрения современного сознания). То есть отмечается амбивалентность архетипического мышления, синкретичность его образов – хорошее и плохое,

благотворное и опасное были неотделимы друг от друга. Можно предположить, что опасность, исходящая от существ зеленого цвета обусловлена их связью с лесом, который в свою очередь является сложным архетипом и темой для отдельного подробного исследования. Однако, ориентируясь на имеющиеся теории, лес во всех культурах – неотъемлемая часть обряда инициации, по своей сущности являющийся умиранием человека в одном качестве для того, чтобы воскреснуть в ином. Именно в лесу происходит этот процесс. Соответственно, это таинственное место неразрывно связано со смертью, поэтому представляет собой максимально опасную территорию. С этим, возможно и связано то, что духи природы зачастую выступают в роли злых персонажей в фольклорных сказаниях.

2.3.1. Метонимические расширения

Выявив интегральную категорию слова *green*, мы можем перейти к метонимическим расширениям. Для этого обратимся к таким типам контекстов, в которых прилагательное *green* встречается очень часто, но при этом не указывает на психоэмоциональное состояние человека, не относится ни к положительной, ни к отрицательной сфере его опыта.

- 1) Joseph has driven away in his little green car, and now it is once again just the three of them.
- 2) On a recent afternoon, Tall – wearing his usual green T-shirt, yellow suspenders, and jeans – shows 26 squirming 3- and 4-year olds from a local Head Start class around the nursery.
- 3) Moultrie used metallic blue, brown, purple and green eye shadows for this soft, iridescent blend.
- 4) There are [in snooker] fifteen red balls, six "colour" balls (yellow, green, brown, blue, pink, and black), and one white cue ball.
- 5) For practical color usage, Blue and Yellow Don't Make Green
<...>

6) He just sat and stared at it spackling down the camouflage green of his army jacket.

Совершенно очевидно, что в данных контекстах не актуализируются ни позитивные, ни негативные эмоции, связанные с переживанием опыта, элементом которого является *green*. В данных случаях он используется исключительно как способ идентификации предмета в пространстве на базе цветоощущения и его дифференциации относительно других. Например, *green car* указывает на определенную машину, среди ряда других, но вряд ли отмечает психоэмоциональное состояние действующего лица или говорящего. То же происходит в **2** и **6** контекстах. То есть *green* является лишь одним из элементов целого спектра цветовых характеристик, присущих предметам, благодаря чему мы можем отличать одни от других и сегментировать материальное пространство вокруг нас с точки зрения зрительного восприятия. Принадлежность к ряду особенно видна в **3** и **4** примерах, где важно использование конкретных цветов для различения. Первостепенную роль в таких ситуациях играет именно принадлежность *green* к шкале цветов (*colour*), как одной из составляющих всего спектра ощущений, не зависящему от определенных психоэмоциональных переживаний и помогающему нам ориентироваться и функционировать в мире, удовлетворять свои потребности. Таким образом, подобные случаи употребления *green* носят утилитарный характер. Стоит отметить, что данное метонимическое расширение будет относиться к положительной контекстной группе, то есть к живому и динамическому *green*, поскольку подразумевается наличие контроля над ситуацией.

Если мы вновь обратимся к вопросу о частеречной принадлежности *green* в такого рода контекстах, то увидим, что ответ будет таким же, как и в контекстах, проанализированных выше: *green*-существительное и *green*-прилагательное отличаются друг от друга только родовой категорией, то есть способом грамматической сочетаемости с другими частями высказывания, и образуют пару мотивированных омонимов. Настоящая работа посвящена прилагательному *green*,

поэтому в первую очередь сформулируем дефиницию этого метонимического расширения для данной части речи: *having the utilitarian colour similar to that of young growth – leaves and grass and used for visually classifying and identifying objects due to the visual experience of them*. Однако для дальнейшего удобства анализа контекстов дадим и дефиницию существительного: *objects visually classified and identified by the colour similar to that of young growth – leaves and grass*.

Держа в уме именно это метонимическое расширение, следует рассматривать, например, использование формы *the greens*, когда речь идёт о предметах одежды, описываемых как зеленые: «The greens and whites are being phased out over the next six years, with the Army mandating dress blues as the exclusive Class A uniform by 2014». Здесь речь идёт об униформе военнослужащих американской армии, причем важно противопоставление другим отрядам или какими-то нововведениями в спецодежде. Таким образом, мы сталкиваемся не с самим визуальным стимулом, а с предметом, обладающим данным свойством.

Из этого следует, что, например, контексты типа:

- 1) A bowling green is a finely-laid, close-mown and rolled stretch of turf for playing the game of bowls.
- 2) I have made a big breakthrough already and got that ball close to the hole rather than it just looking miserable sitting on the edge of the green.
- 3) With three break stations on each side of the green and a cup-end that elevates, this green comes with everything you need to take your putting consistency to the next level

будут также попадать в сферу этого метонимического расширения.

С этой точки зрения следует рассматривать и многие иные контексты, которые в словарях представлены в виде отдельных ЛСВ. Например, большая часть словарей выделяют «money» как отдельный ЛСВ (OD n.1.6; AHDEL n.6;

MW n.5; CED n.8). Подтверждением этому могут послужить различные выдержки, в основном взятые из публицистических текстов: «He notes, if you have \$20 million and get divorced four times, you're down to \$1.25 million. That's a lot of green to part with». Однако, понятно, что в данном случае имеет место всего лишь мотивированный омоним от утилитарного *green*. Мотивировкой здесь будет то, что деньги рассматриваются как предметы, обладающие данной характеристикой. Кроме того, мы знаем, что именно доллар дифференцируется как принадлежащий к данной позиции на шкале цветов. Соответственно, мы не должны говорить о деньгах вообще, а конкретно об американской валюте: the US currency. То есть это один из подвариантов существительного в рамках выделенного ранее расширения.

Возвращаясь к вопросу об униформе, стоит сказать, что контекстов в военной сфере, где люди назывались бы *the greens* из-за со своей униформы обнаружено не было. На ум могут прийти тексты, связанные с Гражданской войной в России, где помимо двух основных враждующих сторон участвовала и «третья сила», которую окрестили, Зелеными: «The Greens stole war material from defeated Red soldiers». Существует несколько предположений о происхождении такого имени, однако наиболее достоверным кажется вариант, предложенный генералом А.Деникиным в своем труде «Очерки о русской смуте». Он полагал, что эти формирования были названы в честь одного из лидеров движения – атамана Зеленого [Деникин 1921]. Здесь мы сталкиваемся с исторической реалией, переведенным именем собственным, но, несмотря на это, данный случай не может стать иллюстрацией к такому явлению как произвольная (немотивированная) метонимия. Оно явно имеет место в структуре значения *green*, так как практически никто не знает о предводителе этого военизированного объединения, но в текстах о русской истории (в том числе и англоязычных) общепринятым является противопоставление the Reds, the Whites и the Greens, то есть это имя собственное неким образом всё же связано с утилитарным *green* и является его особым дериватом.

Ещё одним примером образования имени собственного (в этом случае мотивация будет прослеживаться) служит факт из истории Византии: «the Blues representing the ruling classes and standing for religious orthodoxy, and the Greens being the party of the people». Здесь говорится о двух влиятельных партиях 6 века нашей эры. К этому моменту о мотивировки для такого их наименования никто уже не задумывался, то есть произошла почти полная её утрата. Если же изучить этот вопрос более подробно, то оказывается, что раньше болельщики на скачках на ипподроме поддерживали одну из 4 команд, каждая из которых имела свой цвет-символ божества, которому её участники поклонялись. И одной из таких команд как раз были the Greens. Но в ходе расширения интересов и полномочий этих групп произошла почти полная утрата связи с исходной причиной для наименования.

В связи с этим можно отметить значимость более последовательного и тщательного анализа всего многообразия метонимических расширений, поскольку они также могут давать и имена собственные и сложные слова.

Отметив выше, что в военной сфере, *the greens* не используется в отношении людей, придётся оговориться, что в статьях и репортажах, посвященных спортивным командным соревнованиям (в особенности матчам по футболу), команды, одежда которых отличается наличием на ней большого количества элементов чьим принципиально важным свойством является принадлежность к *green* по дифференцирующей шкале (для идентификации себя относительно команды-противника), принято называть *the Greens*. Получается, что мы всё-таки можем выделить ещё одно метонимическое расширение: *people whose clothes are of the utilitarian colour similar to that of young growth, which helps to distinguish them from another (often opponent) group.*

Далее обратимся к *green* (а чаще существительному *greens*), которое используется для обозначения блюд, состоящих из овощей, преимущественно

листовых (LED n.2a; MED adj.7, n.4; OD adj.1.1, n.1.3; AHDEL adj.2b, n.3b; MW adj.2c, n.3a,b; C adj.7, n.6a):

1) Serve this richly flavored stew straight from the pan accompanied by a robust red wine, a leafy green salad, and lots of crusty bread.

2) Mixed salad greens, such as baby leaf lettuces and arugula, are tough <...>

или различного рода украшений, состоящих из веток и листьев (LED n.2b; AHDEL n.3a; C n.6b):

3) <...> sold excess firewood, locust poles, locust split rail fences, greens for Christmas wreaths and decorations <...>

Если мы имеем дело с существительными, как в **2** и **3** примерах, то здесь мы наблюдаем уже обозначенное ранее метонимическое расширение – утилитарное *green*-существительное, так как имеется в виду не сам располагающий к вступлению в контакт цвет, свойственный побегам растений, а предметы, непосредственно эти самые растения, обладающие данной характеристикой. В этом же ключе стоит рассматривать и контексты типа:

1) If your family enjoys mustard greens, consider planting every 2 to 3 weeks for successive waves of young flavorful greens growing into prime size.

2) Gather a variety of greens from trees, shrubs and even ground covers such as ivy and euonymus. Ideally your arrangement should have variety in color and texture.

При этом можно предположить, что имеет смысл сформулировать дефиницию иерархически вторичную по отношению к «objects visually classified ...»: plants and their leafy elements often unconsciously perceived as a source of

freshness and vividness. В контекстах же, проанализированных ранее, где речь шла о собранных человеком растениях, которые он в дальнейшем использует для еды или декора, привнося туда дополнительные элементы и to выделить дальнейшее микрометонимическое расширение: arrangements with leafy elements as their base used to convey the sensation of vivid freshness. Стоит добавить, что, хотя палитра всего украшения обычно более сложная, а greens, как салаты, состоят и из других продуктов, это лишний раз свидетельствует о метонимической связи этого существительного именно с мотивирующим утилитарным ЛСВ.

Всё это можно назвать частью сети микрометонимий для определенных контекстов.

Многие организации и компании используют этот цвет в качестве элемента своей символики и эмблем. Например, в последнее время всё чаще встречается слово *green* в общественно-политических текстах, связанных с проблемами экологии. Ведь защитники окружающей среды (по всему миру) взяли именно зеленый цвет (*green*) как цвет, символизирующий их движение. Скорее всего, это, с одной стороны, было сделано как раз из-за того, что природные объекты (леса, поля, травы, листья, кустарники и т.д.) в большинстве своем дифференцируются именно как принадлежащие к диапазону *green*; а с другой, из-за того, что эти люди осознают себя защитниками или даже в некоторой степени представителями той самой животворящей природной силы, способной обновить и улучшить состояние планеты и всего человечества за счёт благоразумного и безопасного использования растительных ресурсов.

- 1) Green campaigners are aiming to block development of the site. (MED adj.3a)
- 2) <...> policy not for the energy oil companies, but for green energy, George.

3) She has a plethora of other ideas to live greener, from buying natural cosmetics and green beauty products to creating your own all-purpose cleaner <...>

Таким образом, здесь мы сталкиваемся с новым типом контекста, в котором *green* относится к людям, организациям и продуктам, являющимся результатом их деятельности или соответствующих их стандартам. В данном случае мы можем говорить о выведении ещё одного метонимического расширения: *being friendly to the environment and caring for it while living in harmony with the nature, considered as powerful and vivifying* (s52. При этом, как и в проанализированном нами выше расширении, в случае с существительным наиболее частотна форма *the greens*.

Отдельно хочется обговорить целую группу людей, в контексте которых встречается слово *green* – мусульман:

- 1) Sidebar Stiff Resistance Green flags honoring Islam snap above tombs of historic martyrs in the Afghan city of Gardiz.
- 2) Clusters of Shiite pilgrims make their way through the streets, men carrying flags, the green of Islam, black for the Shia, red for blood and sacrifice.

Зелёный цвет в Коране присущ многим элементам при описании рая: одеждам, покрывалам и т.д. («Они будут возлежать на ложах с зелёными покрывалами и на коврах удивительной красоты» (Коран, 55:76) Вероятно, это повлияло на то, что постепенно зелёный стал символом их пророка и, следовательно, одним из самых благостных цветов (согласно исследованиям по символике в рамках данной культуры он так же глубинно связан с жизненной силой и радостью [Pastoureau 2004; Охониёзов 2010]). Поэтому исламисты, считающие себя правоверными мусульманами, взяли зеленый для своих одежд, флагов и знамён. Да, из-за позиций, распространяемых в современном медиaprостранстве у многих людей сегодня возникают, очевидно, негативные ассоциации с представителями данной религии и религиозных организаций,

связанных с ней. Тем не менее, здесь очевидна мотивировка от основного положительного *green*.

Таким образом, *green* как цвет, представляющий ислам или как цвет, представляющий экологическое движение, стоит рассматривать в качестве двух подвариантов расширения, которое можно сформулировать следующим образом: using the colour associated with fresh grass and leaves to represent a movement or an organization. Это будет автономным расширением от основного положительного *green* наряду с utilitarian sense.

Возвращаясь к контекстам с утилитарным *green*, интересными могут оказаться те, где речь идет о чем-то разрешающем, позволяющем, безопасном:

1) Just imagine what can happen if an automated traffic light flashes green rather than red

2) One lone, experienced, professional assassin has the green light from me to kill Connecticut's self-proclaimed poster child for domestic violence.

3) When we're looking at the blue line, the green line and the orange line, this is good.

либо о чем-то, указывающем на высокий уровень знаний\умений\содержания определенных веществ и т.д.:

4) <...> basic level in light red, proficient level in light green, and advanced level in dark green.

5) The center of this adhesive patch will turn green if the blood alcohol level is too high to drive safely.

В данных случаях легко может возникнуть иллюзия привнесения положительной характеристики эмоционального состояния, ведь на первый взгляд

разрешение, безопасная зона, положительная оценка могут ассоциироваться исключительно с позитивными сферами опыта. Однако не все приведенные выше контексты обнаруживают успешную модель взаимодействия человека с внешней средой (например, разрешение, данное наёмному убийце в **1** примере, или зеленый, указывающий на чрезмерное содержание алкоголя в крови в **5**). *Green* является всего лишь идентификатором определенного положения подконтрольного элемента на шкале нехватка-достаточное количество, опасно-безопасно, запрещено-разрешено и т.д (в противовес ему чаще всего используется *red*). Это связано с некоторыми вторичными сигнальными системами, в которых для более быстрого прохождения процесса зрительного восприятия и последующей обработки информации стали использоваться цвета, как наиболее простые для визуального восприятия элементы, для дифференциации ситуации и последующих форм поведения. Так в качестве разрешающего сигнала стали использоваться флажки и отметки зеленого цвета, что в дальнейшем перешло на светофоры. Соответственно, связь между цветом-сигналом прочно укоренилась в сознании людей, использующих эти системы и визуальный стимул, который можно описать словом *green*, стал относиться именно к положению на описанной выше шкале. Возможно, первоначально такое распределение было обусловлено именно теми положительными ассоциациями, связанными с жизнью и динамикой, которые закрепились в психоэмоциональном опыте человека.

Теперь обратимся к контекстам, несущим отрицательную оценку ситуации, элементом которых является *green* и посмотрим, обнаружатся ли здесь какие-либо метонимические расширения:

- 1) His mouth was set and his skin looked green, as if he had been sick on the plane.
- 2) She was shaking all over, and she looked green, she was so pale.

3) The whites of her eyes showed, and the skin of her face turned green. Her voice, small and high pitched, squeaked, "Is she dead?"

4) <...> and all the blood was gone from her face. Her face was pasty and green and her lips cracked, and she looked awful.

5) The same goes for Mallory in her aisle – face now green with the sickness, cotton-mouthed.

Совершенно ясно, что в этих контекстах реализуется негативный, безжизненный *green*. Он связан с результатом распада и гниения как следствия отсутствия живительной силы. В данном случае *green* как признак кожи, внешнего вида указывает на проблемы со здоровьем, неспособность организма функционировать так, как положено. Здесь стоит вспомнить и *green around the gills*. В этом идиоматическом выражении отчетливо прослеживается связь *green* с болезненным самоощущением человека. Скорее всего, эмоциональное ощущение, связанное с данной фразой обусловлено контекстом-источником, в котором было дано описание рыбы «with green around the gills», что, разумеется, было очевидным признаком того, что она испорчена. Негативная оценка этой ситуации и её ассоциативная связь со смертью была, очевидно, в дальнейшем перенесена на сферу опыта, где уже человек чувствовал себя нехорошо.

Причем мы должны понимать, что нельзя относить эти контексты к утилитарному *green* по причине того, что далеко не всегда цвет кожи на самом деле будет соответствовать описанному выше визуальному стимулу, зачастую, если и пытаться описать это внешне (только для того, чтобы точно разграничить это метонимическое расширение от описанного нами выше), это будет просто сильная бледность, уж никак не соотносимая с диапазоном на шкале, к которому принято относить *green* в его утилитарном смысле. Здесь актуализируется скорее эмоциональное состояние человека, при котором он лишается большей части своих жизненных сил и ощущает себя не способным к осуществлению нормальных действий на требуемом уровне и адекватного

мыслительного процесса. Именно поэтому нам становятся понятными предложения типа:

- 1) The count's face turned green with fury.
- 2) I bet a lot of other women turned green with jealousy because of the way these two women captured the hearts of the crowds and photographers.
- 3) When we were children, my older brother always used to get green with envy if my dad bought something for me and not for him.
- 4) Canberra turned green with excitement a week ago, but a two-point loss to the Cronulla Sharks sucked the air out of an over-filled bandwagon.

Из этих контекстов наиболее частотным является *green with envy*, и, скорее всего, именно по этой причине выделяется словарями либо в отдельное ЛСВ (АНDEL adj. **6b**; MW adj. **7b**, CED **5**), либо в секцию фразеологизмов (LDCE, MED). Совершенно игнорируются и не объясняются функционально аналогичные ситуации (with excitement, jealousy, fury etc.). При этом ни один из приведенных в словарных статьях ЛСВ не может объяснить их присутствие в данных высказываниях.

Кроме того, стоит добавить, что существует большое количество контекстов, где в подобных ситуациях встречаются другие слова-цветонаименования, как например:

- 1) <...> after threatening to turn the bus around, he starts mumbling, cursing under his breath, and turns bright red with fury. It's an amazing moment of pure stress, and it was completely improvised.
- 2) He glanced to see the demon, his once pink (strangely, before that, red) eyes now white with jealousy.
- 3) Her cheeks were red with excitement.

Многим случаям словари тоже не могут дать объяснение, однако благодаря наличию различных слов-цветонаименований, очевидно, что здесь представлено иное состояние, вызванное, правда, теми же первичными эмоциями.

Таким образом, мы можем сказать, что из негативных контекстов с *green* не развиваются метонимические расширения, а все ЛСВ, отдельно выделяемое словарями, являются, по сути, ни чем иным как реализацией одной из сторон интегральной категории *green*.

Разбираясь с метонимическими расширениями, мы практически упустили из виду контексты, где *green* относится к чему-то совсем молодому, и из-за этого неспелому и недозревшему (если речь идёт об овощах и фруктах), либо наивному и неопытному (если мы говорим о человеке).

Можно предположить, что в зависимости от оценки ситуации говорящим, мы можем выделить аналогичные негативное и позитивное метонимические расширения от базовых контекстов *green*. Однако в данном случае мы опять-таки сталкиваемся с расширением из исходного положительного варианта. Мотивировкой здесь является сигнал о молодости, наполненности жизненными силой и энергией, подобные тем, что мы наблюдаем в ростках (sense of bright life-giving energy as it manifests itself in young and actively growing plants). Именно для такого *green* в словарях давались дефиниции-синонимы *vigorous* (OD adj. 3.2; MW adj. 4; CED adj.4), *robust* (AHDEL adj. 3c), ведь человек, в соответствии со своим возрастом ещё не утративший эту энергию, обычно обладает такими качествами как здоровье, сила, энергичность и т.д. Но, с другой стороны, излишняя юность человека, и недостаточная развитость растений зачастую ведет к недостатку опыта в первом случае и неспособности давать плоды, которые могут быть употреблены в пищу или использованы по другому назначению во втором. Именно поэтому характеристика *green* также приписывается наивным, неопытным и неумелым людям и продуктам и изделиям, которые ещё не могут удовлетворить в достаточной мере ту или иную потребность:

1) Those tomatoes are too green to eat.

2) What to do with me, a green young man \\ Who fails to consider the \\ Flim and flam of the world <...>

Отрицательная оценка в данных примерах реализуется только в самой ситуации, при этом само слово *green* не несет в себе негативной окраски.

Из всего выше сказанного мы можем ставить структуру значения слова *green*, включающую в себя интегральную категорию, дальнейшие метонимические расширения и мотивированные омонимы. Данная структура показана в таблице, приведенной ниже.

Интегральная категория			
Visual stimulus evoking contact with a great power of the natural environment that can be life-giving and rejuvenating when beneficial as in young growth or can cause decay and stifling lifelessness when hostile and destructive			
<i>The water today is a beautiful gray-dark green like <...> the sound of sugar in the Witch's throat.</i>			
Положительная контекстная группа		Негативная контекстная группа	
a visual stimulus evoking the sense of bright life-giving energy as it manifests itself in young and actively growing plants, suggesting vividness, freshness, protection and a sense of control over the environment, which are determined by a stable and predictable human reaction to the flourishing nature around		a visual stimulus evoking the sense of powerlessness when confronted with decay and cold lifelessness and suggesting the absence of any motion and power, dead calmness	
<i>adj. hav colour s young g grass an classifi objects experie There a six "col (yellow, pink, an white cu</i>	<i>adj. having the inviting colour of flourishing nature suggesting vividness, freshness, protection and a sense of control over the environment</i> <i>And her eyes were green like the earliest leaves on a forsythia in spring.</i>	<i>n. the inviting colour of flourishing nature suggesting vividness, freshness, protection and a sense of control over the environment</i> <i>The vegetation showed the bright green of youth.</i>	<i>adj. having a associated w leaves r Stiff n flags above t yrs in th iz.</i> <i>adj. having the colour of rotting matter, disgusting substances, suggesting the absence of life, motion and energy and lack of control over the environment matters, disgusting substances, suggesting absence of life, motion and energy and lack of control over the environment surroundings</i> <i>The blood was green like the dead part of the mountain.</i>
	↓		↓

n. the US currency
*\$5.5 Million...Now
That's a Lot of **Green!***

n. people whose clothes are of the utilitarian colour similar to that of young growth, which helps to distinguish them from another (often opponent) group
*Missed penalties proved costly for the **Greens** that season.*

n. plants and their leafy elements often unconsciously perceived as a source of freshness and vividness
*Gather a variety of **greens** from trees, shrubs and even ground covers such as ivy and euonymus.*

n. arrangements with leafy elements as their base used to convey the sensation of vivid freshness
*Come into the Church to hang the Christmas **greens**, decorate the Narthex, and prepare our sanctuary for Christ's arrival.*

n. a person or an organization friendly to the environment and caring for it while living in harmony with the nature, considered as powerful and vivifying
*A secure energy future for NSW is **the Greens** goal because a transition to 100% renewable energy is achievable, affordable and essential.*

Выводы по главе II

В результате проведенного в данной главе анализа словарных дефиниций и контекстологического анализа можно сделать следующие выводы:

1. Определения слова *green*, предлагаемые монолингвальными словарями, обнаруживают ряд серьезных методологических проблем, связанных с их опорой на традиционные теории. Хотя представленные в них ЛСВ, очевидно, связаны друг с другом стабильным каркасом, вся дефиниция не даёт структурированного понимания значения слова *green* и не всегда позволяет понять возможность его функционирования в некоторых контекстах.
2. Во всех проанализированных контекстах слово *green* сохраняет своё интегральное значение, при этом меняется родовая категория, что позволяет ему встраиваться в различные синтаксические конструкции, и появляются различные метонимические расширения.
3. Контексты подтвердили предположение об амбивалентности, заложенной в слове *green*, и возможности снятия этой амбивалентности, путем реализации одной из двух сторон психоэмоционального переживания (положительная и отрицательная) в рамках определенной ситуации.
4. В то время как позитивная группа контекстов даёт возможность для появления различного рода метонимических расширений, в рамках негативной контекстной группы метонимических расширений обнаружено не было.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ, проведённый в рамках различных наук исследования восприятия цветов и слов-цветонаименований, позволяет сделать вывод о том, что наиболее подходящей методологией может быть современный функционально-семиотический подход, который рассматривает значение слова как единый комплекс психо-физиологических переживаний человека, возникающий при попытке удовлетворения актуальных потребностей.

Анализ словарных дефиниций языкового знака *green* и собранные контексты показывают, что ценностная природа этого слова является основой его значения. Его архетипическая связь с силами природы, которые, с одной стороны, могут нести живительную силу, а с другой, оказывать парализующее воздействие, оказывается заключенной в его значении и обуславливает его амбивалентность. Эта амбивалентность сохраняется достаточно редко, так как, входя в контекст, знак, как правило, актуализирует одну из сторон переживания. При этом становится очевидным, что попытка определить слово-цветонаименование с помощью данных физики, не даёт понимания того, почему анализируемое слово функционирует в тех или иных контекстах.

При изучении данного слова оказалось невозможным ограничиться исследованием только прилагательного *green*, так как для того, чтобы сформулировать иерархически выстроенную и достаточно подробную структуру слова, пришлось брать во внимание и существительное как один из мотивированных омонимов.

Структура полисемии, описанная в словарях, не способна дать представление о целостности значения слова и объяснить причину его присутствия в определенном рода ситуациях, в то время как полученная нами в результате анализа контекстов модель полисемии отражает категориальную вариативность значения данного знака при сохранении его интегральной категории. Сформулированные ЛСВ являются множеством конкретных реализаций единой семантической основы в различных ситуативных моделях опыта. Кроме того, в попытке построить упорядоченную структуру,

лексикографы склонны выделять первые ЛСВ как более общие и употребляемые носителями чаще. Однако, изучив контексты, мы пришли к выводу о том, что такой подход не может быть признан продуктивным, так как реализация тех или иных ЛСВ во многом будет зависеть от жанровой специфики текста. В данном случае методом сплошной выборки было проанализировано свыше 500 контекстов из 90983, содержащихся в Corpus of Contemporary American English, (в форме *green* и *greens*), а так же из различных Интернет-источников, 71 из которых были отобраны в качестве иллюстраций как наиболее показательные. В результате этого было выявлено, что в научном дискурсе слово *green* обычно предстает в виде варианта утилитарного *green* как способа идентификации и дифференциации на шкале (~70% из рассмотренных контекстов); в публицистике последних лет выявлена тенденция использования *green* в контекстах, связанных с проблемами окружающей среды и более эффективного использования природных ресурсов (~60% из рассмотренных контекстов). В художественной литературе сложно выявить, какие из выделенных ЛСВ преобладают, однако именно в таких текстах мы можем найти те редкие случаи, когда реализуется полное амбивалентное переживание, ассоциирующееся со словом *green*. Кроме того варианты, где раскрывается эмоционально-психологическое переживание, базирующееся на том или ином типе взаимодействия с природными силами, скорее встретятся в таком виде дискурса, нежели в научном или общественно-политическом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – Наука, 1974.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка, М., 1986
3. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина – Воронеж: изд-во Воронеж. Ун-та, 2001
4. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т.1. Крушение власти и армии (Февраль — сентябрь 1917 г.). Вып. 1. Париж, Издательство Поволоцкого, 1921.
5. Железняков, В. Н. Цвет и контраст. Технология и творческий выбор / В. Н. Железняков, М.: ВГИК, 2000. - 294 с.
6. Заан Д. Белый, красный и черный: цветной символизм в черной Африке / Д. Заан // Психология цвета, М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. С. 47-78.
7. Иттен И., Искусство цвета / И. Иттен; пер. с немец. – 2-е изд.; предисловие Л. Монаховой - М.: Издатель Д. Аронов, 2001. – 96 с.
8. Корж Н. Н., Лупенко Е. А., Сафуанова О. В. Трудно ли запомнить цвет? / Н. Н. Корж, Е. А. Лупенко, О. В. Сафуанова // Проблема цвета в психологии; отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж. - М. : Наука, 1993. С. 137-143.
9. Крачковский И. Ю. Коран. – Наука, 1990.
10. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М. 1987.
11. Охониёзов В.Д. Цветовая символика в персидско-таджикской классической поэзии: автореф. ... д-ра филол. Наук Института гуманитарных наук Памирского филиала Академии наук Республики Таджикистан, Душанбе, 2010
12. Пастуро М. Синий. История цвета; пер. с фр. Н. Кулиш – М.: Новое литературное обозрение, 2015

13. Пэдхем Ч., Сондерс Ж. Восприятие Света и Цвета. М.: Мир, 1978. – 255 с.
14. Рогинский Я. Я. Об истоках возникновения искусства / Я. Я. Рогинский. - М.: Прогресс, 1982. – 187 с.
15. Толочин И.В. Словесное значение – отражение или проекция? // Перцепция. Рефлексия. Язык. / Под ред. Е.Г. Хомяковой. – СПб., 2010. – С. 175-211
16. Толочин И.В. Учебник по лексикологии. СПб.: Антология, 2014. (В соавторстве с Е.А. Лукьяновой, М.Н. Коноваловой и М.В. Сорокиной)
17. Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. – М., 1986
18. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. – Наука, 1984.
19. Черноризов А.М. Цветовое зрение рыбы как модель цветового зрения человека // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология, 1995. № 4, С. 35-45.
20. Яньшин П. В. Эмоциональный цвет. Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета / П. В. Яньшин. - Самара: СамГПУ, 1996. – 218 с.
21. Яньшин П. В. Введение в психосемантику цвета / П. В. Яньшин. - Самара : СамГПУ, 2001. – 277 с.
22. Ayto John R. On specifying meaning: semantic analysis and dictionary definitions. // Lexicography: principles and practice. R.R.K. Hartmann (ed), London: Academic Press, 1983. – 89.
23. Baars B. J. Cognition , brain, and consciousness : introduction to cognitive neuroscience/ Nicole G.— 2nd ed.; Oxford, 2010. – 160.
24. Berlin B., Kay P. Basic colour terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.
25. Birren F. Color Psychology and Color Therapy. New York: McGraw-Hill, 1950.

26. Fillmore, Charles J., Atkins B.T.S. Describing Polysemy: The Case of 'Crawl'. // In Ravin and Leacock, 2000. P. 91-110.
27. Hanks P. Do Word Meanings Exist? // Computers and the Humanities 34, Kluwer Academic Publishers. Printed in the Netherlands, 2000
28. Hanks P. The Linguistic Double Helix: Norms and Exploitations // After Half a Century of Slavonic Natural Language Processing, Brno, Czech Republic: Masaryk University, 2009
29. Hanks P. Lexical analysis: Norms and exploitations. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2013
30. Hardy, Joseph L., Christina M. Frederick, Paul Kay, and John S. Werner Color naming, lens aging, and grue: What the optics of the aging eye can teach us about color language // Psychological Science №16, 2005.
31. Heller L, Macris J. Parametric Linguistics. 1967
32. Jung C.G. (ed.) Man and his Symbols. New York: Anchor Press, Doubleday, 1988.
33. Kilgarriff A. "I don't believe in word senses" // Polysemy: Flexible patterns of meaning in mind and language / B. Nerlich, Z. Todd, V. Herman, D. D. Clarke (Eds.). Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2003. P. 361-391.
34. Kilgarriff A. Generative lexicon meets corpus data The case of non-standard word uses. University of Brighton, 1999
35. Kuehni R.G. Focal color variability and unique hue variability. // J. Cogn. Cult. №5, 2005. P. 409–426.
36. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: U, 1980. – 1980.
37. Land E. The retinex theory of colour vision. // Proceedings of the Royal Institution of Great Britain, 1974. P. 23-58
38. Lindsey, Delwin and Angela Brown Color naming and the phototoxic effects of sunlight on the eye. // Psychological Science 13, 2002. P. 506-512.
39. Mitterer H., J. P. de Ruitter Recalibrating colour categories using world knowledge. // Psychological Science 19(7), 2008. P. 629–634.

40. Ogden Ch. K., Richards I. A. The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. London, 1949.
41. Pastoureau M. Le vert : celui qui cache bien son jeu // L'Express, 2004. – 4.
42. Pasupathy A., Connor C. E. Population coding of shape in area V4 // Nature Neuroscience, 2002. №5(12), P. 1332–1338
43. Winawer J. et al. Russian blues reveal effects of language on color discrimination // Proceedings of the National Academy of Sciences – T. 104. – №. 19, 2007. P. 7780-7785.
44. Yendrikhovskij S.N. Computing color categories from statistics of natural images. J. Imaging Sci. Technol. 45, 2001. P. 409– 417.
45. Zeki S. M. Colour coding in the superior temporal sulcus of rhesus monkey visual cortex // Proceedings of the Royal Society of London. Series B, Biological Sciences, 1977. P. 195–223
46. Zeki S. The Colour and Motion Systems as Guides to Conscious Visual Perception. // In Rockland, K. S., Kaas, J. H. and Peters, A. (eds), Volume 12: Extrastriate Cortex in Primates. Plenum Press, New York, 1997. P. 777-809.
47. Zeki S., McKeefry D. J., Bartels A. and Frackowiak R. S. J. Has a new color area been discovered? // Nat. Neurosci., 1, 1998. – 335.

Список использованных словарей

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990.
2. Longman Dictionary of Contemporary English, 2001
3. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2007
4. Oxford Dictionary Online <https://en.oxforddictionaries.com/>

5. The American Heritage Dictionary of the English Language Online <https://ahdictionary.com/>
6. Merriam-Webster Online <https://www.merriam-webster.com/>
7. The Collins English Dictionary <https://www.collinsdictionary.com/>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица. Словарные дефиниции *green* (adjective, noun, verb) в англоязычных монолингвальных словарях: Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan English Dictionary, Oxford Dictionary Online, The American Heritage Dictionary of the English Language Online, Merriam-Webster Online, The Collins English Dictionary Online.

Part of speech	Dictionary entries					
	Longman Dictionary of Contemporary English	Macmillan English Dictionary	Oxford Dictionary (Online)	The American Heritage Dictionary of the English Language (Online)	Merriam-Webster (Online)	The Collins English Dictionary (Online)

adj	1.	COL OUR havin g the colou r of grass or leave s: <i>go on – the traffic lights have turne d green !</i> <i>green eyes</i> – see pictur e on page 411	1.	somet hing that is green is the same colour as grass. If somet hing is simila r to this colour , you can say that it is greeni sh colour or green y colour : <i>The first bright green leaves were showi ng.</i> <i>Green -blue eyes</i> a	1.	Of the colour betwe en blue and yellow in the spectr um; colour ed like grass or emeral ds. <i>'her flashin g green eyes' the leaves are bright green'</i>	1.	Of the color green. 2. a. Abounding in or covered with green growth or foliage: the green woods. b. Made with green or leafy vegetables: a green salad. c. Characterized by mild or temperate weather: a green climate. 3. a. Not mature or ripe: green tomatoes. b. Not grown up; young: still at a green age. c. Vigorous or robust: keeping one's memory green. d. Lacking training or experience. See Synonyms at young. e. Lacking sophistication or worldly	1:	of the color green 2a : covered by green growth or foliage <i>green f ields</i> b of winter : <u>MILD, CLEMEN T</u> c : consisting of green plants and usually edible herbage <i>a gree n salad</i> 3: pleasantly alluring 4: <u>YOUTHFUL,</u> <u>VIGOROUS</u> 5: not ripened or matured <i>green apples</i> 6: <u>FRESH, NE W</u> 7a : marked by a pale, sickly, or nauseated appearance b : <u>ENVIIOUS</u> 1 — used especially in the phrase <i>green with envy</i> 8a : not fully processed or treated: such	1.	of the colour green 2. greeni sh in colour or having parts or marks that are greeni sh <i>a green monke y</i> 3. <i>(somet imes capita l)</i> concer ned with or relatin g to <u>con servati on</u> of the world' s natura l <u>resou rces</u> a nd <u>im prove</u>				
	2.	GRASSY cover ed with green grass: <i>green fields</i>	1.	Consis ting of fresh green vegeta bles. <i>'a green salad'</i>	1.	Consisting of fresh green vegeta bles. <i>'a green salad'</i>	1.	Consisting of fresh green vegeta bles. <i>'a green salad'</i>	1.	Consisting of fresh green vegeta bles. <i>'a green salad'</i>	1.	Consisting of fresh green vegeta bles. <i>'a green salad'</i>	1.	Consisting of fresh green vegeta bles. <i>'a green salad'</i>	1.	Consisting of fresh green vegeta bles. <i>'a green salad'</i>
	3.	FRUITPL ANT very youn	2.	a	2.	Denoti ng a green light or flag	2.	Denoti ng a green light or flag	2.	Denoti ng a green light or flag	2.	Denoti ng a green light or flag	2.	Denoti ng a green light or flag	2.	Denoti ng a green light or flag

<p>n</p>	<p>1 [C,U] the colour of grass and leaves: <i>a r o o m decorated in pale blues and greens</i></p> <p>2 greens [plural] a) <i>informal</i> vegetables with large green leaves: <i>Eat your greens.</i> b) <i>AmE</i> leaves and branches used for decorations, especially at Christmas – compare GREENERY</p> <p>3 [C] a level area of grass, especially in the middle of a village: <i>playing cricket on the green</i> – see also BOWLING GREEN, VILLAGE GREEN</p> <p>4 [C] a smooth flat area of grass</p>	<p>1 [C\U] the colour of grass: She was dressed green</p> <p>2 [C] a large area of grass, for example in a village, where people can walk, sit or play games: They moved to a house overlooking the green. 2a in golf, the area of short grass around a hole: the 18th green 2b an area of grass where people play bowls – putting green</p> <p>3 Green a member or supporter of Green Party</p> <p>4 greens [plural] spoken the green leaves of vegetables, especially when they have cooked – spring greens</p>	<p>1 <i>mass noun</i> Green colour or pigment.</p> <p><i>'major roads are marked in green'</i></p> <p>1.1 Green clothes or material.</p> <p><i>'two girls in red and green'</i></p> <p>1.2 Green foliage or vegetation.</p> <p><i>'that lovely canopy of green over Stratford Road'</i></p> <p>1.3 greens Green vegetables.</p> <p><i>'eat up your greens'</i></p> <p>1.4 A green light.</p> <p>1.5 The green ball in snooker.</p> <p>1.6 <i>dated, informal</i> Monday.</p> <p><i>'that's a lot of green'</i></p> <p>1.7 <i>dated, informal</i> Low-grade</p>	<p>1. The hue of that portion of the visible spectrum lying between yellow and blue, evoked in the human observer by radiant energy with wavelengths of approximately 490 to 570 nanometers; any of a group of colors that may vary in lightness and saturation and whose hue is that of the emerald or somewhat less yellow than that of growing grass; one of the additive or light primaries; one of the psychological primary hues.</p> <p>2. Something green in color.</p> <p>3. greens Green growth</p>	<p>1: a color whose hue is somewhat less yellow than that of growing fresh grass or of the emerald or is that of the part of the spectrum lying between blue and yellow</p> <p>2: something of a green color</p> <p>3: green vegetation: such as</p> <p>a greens plural leafy parts of plants for use as decoration</p> <p>b greens plural <i>l (l)</i>: leafy herbs (as spinach, dandelions, or Swiss chard) that are cooked as a vegetable (2): GREEN VEGETABLES</p> <p>4: a grassy plain or plot: such as</p> <p>a: a common or park in the</p>	<p>1. any of a group of colours, such as that of fresh grass, that lie between yellow and blue in the visible spectrum in the wavelength range 575–500 nanometres. Green is the complementary colour of magenta and with red and blue forms a set of primary colours</p> <p>► Related adjective: verdant</p> <p>2. a dye or pigment of or producing these colours</p> <p>3. something of the colour green</p> <p>4. a small area of grassland, esp in the centre of a village</p> <p>5. an area of</p>
-----------------	---	--	--	--	---	---

v	<p>1 to fill an area with growing plants in order to make it more attractive: <i>the challenge of greening the city</i></p> <p>2 to make a person or an organization realize the importance of environmental problems: <i>the greening of public opinion</i></p>		<p>1 Make or become green in colour. <i>no object 'the roof was greening with lichen'</i></p> <p>1.1 with object Make (an urban or desert area) more verdant by planting trees or other vegetation. <i>'they will continue greening the many treeless and dusty suburbs'</i></p> <p>2 with object Make less harmful to the environment. <i>'tips on how to green your home'</i></p>	<p>v.intr. To become green: The rains came, and the grass greened.</p> <p>v.tr. 1. To make green: Grass greened the hills. 2. To design or organize so as to be beneficial or less harmful to the environment, especially in reducing the amount of pollution created: efforts to green the economy.</p>	<p><u><i>intransitive verb</i></u> : to become green <u><i>transitive verb</i></u> 1: to make green 2: REJUVENATE, REVITALIZE</p>	to make or become green
---	--	--	--	--	---	-------------------------